

INSPIRIA

Tea Обрехт

БЕЗ
ВОДЫ

INSPIRIA

Теа Обрехт

Без воды

Серия «Novel. Серьезный роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63589542

Без воды / Теа Обрехт ; [перевод с английского И. А. Тогоевой].: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-115979-5

Аннотация

Одна из лучших книг года по версии Time и The Washington Post.

От автора международного бестселлера «Жена тигра».

Пронзительный роман о Диком Западе конца XIX-го века и его призраках.

В диких, засушливых землях Аризоны на пороге XX века сплетаются две необычных судьбы. Нора уже давно живет в пустыне с мужем и сыновьями и знает об этом суровом крае практически все. Она обладает недюжинной волей и энергией и испугать ее непросто. Однако по стечению обстоятельств она осталась в доме почти без воды с Тоби, ее младшим ребенком. А он уверен, что по округе бродит загадочное чудовище с раздвоенными копытами.

Тем временем Лури, бывший преступник, пускается в странную экспедицию по западным территориям. Он пришел

сюда, шаг за шагом, подчиняясь воле призраков, которые изнуряют его своими прижизненными желаниями. Встреча Норы и Лури становится неожиданной кульминацией этой прожженной жестоким солнцем истории.

«Как и должно быть, захватывающие дух пейзажи становятся в романе отдельным персонажем. Простая, но богатая смыслами проза Обрехт улавливает и передает и красоту Дикого Запада, и его зловещую угрозу». – *The New York Times Book Review*

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	37
Часть 3	161
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Tea Obreht

Без воды

*Посвящается моей матери Майе
и ее матери, моей бабушке Захиде*

*Но неизменно время,
И эпохи неизменны.
Меняется лишь то внутри эпохи каждой,
Во что готов ты верить, а во что – не верить.*

Джеймс Голвин, «Вера»

Tea Obreht
INLAND

Copyright © 2019 by Tea Obreht

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2021

Часть 1

Миссури

Когда вчера вечером те верховые подъехали к броду, я уж решил, что нам с тобой конец. Даже ты, должно быть, это понимал. Они были от нас совсем близко: я чувствовал запах конского пота, слышал, как звякают удила, различал в темноте белки лошадиных глаз. Надо признаться – хоть ты и совсем ослеп, да и в бедре у тебя сидит та проклятая пуля, которую так и не удалось извлечь, – ты храбро встал, готовый защищаться, готовый встретиться с врагом лицом к лицу. Может, и не надо было мне тебя удерживать. Может, тогда и не произошло бы того, что случилось сегодня ночью, и та девушка не пострадала бы. Но откуда ж мне было знать? Драться я готов не был, да и в удачу не верил; я мог лишь смотреть, как они в лунном свете пересекают старое высохшее русло реки и начинают подниматься по склону оврага, удаляясь от нас. Разве ж я неправильно поступил, решив выждать, – хотя бы в силу привычки? Я знал, что в душе ты по-прежнему стремишься к бегству. Тебе и сейчас еще хочется убежать, вырваться на свободу. То же стремление живет и во мне. Желание бежать, спастись поселилось во мне давным-давно, задолго до того, как мы с тобой встретились. Впервые я, шестилетний, испытал его, когда пришел в се-

бя после болезни и понял, что лежу на узкой койке рядом с отцом и мы плывем на каком-то корабле, ибо я чувствовал морскую качку и слышал шипение волн под килем; мы уже тогда пребывали в состоянии постоянного бегства. Впрочем, бежал скорее мой отец, хотя от чего и куда он бежал, я так и не понял. Он, помнится, был очень худой. И, наверное, молодой. Может быть, он был кузнецом или еще кем-то из тех, кто много и тяжело работает, но обычно не имеет возможности нормально отдохнуть, зато уж за тот месяц сплошной качки, когда день ничем не отличался от ночи, а где-то над нами в темноте слышался лишь скрип канатов и скрежет лебедки, он, кажется, наконец-то отдохнул. Он называл меня *sine*, сынок, и еще каким-то именем, которое я всю жизнь тщетно пытался припомнить. Из нашего плаванья через океан я помню в основном пенные гребни волн и запах морской соли. А еще, конечно, мертвых, завернутых в саваны и выложенных в ряд на корме.

Жилье мы нашли рядом с гаванью. Окна нашей комнаты выходили на бесконечные ряды бельевых веревок, которые, пересекаясь, тянулись от окна к окну, как бы растворяясь в клубах пара, вечно висевшего над прачечной, находившейся внизу. Спали мы на одном тюфяке, стараясь не обращать внимания на сумасшедшего, спавшего у противоположной стены, хотя его недуг усугублялся с каждым днем. В коридоре вечно кто-то орал. Кто-то из тех, что словно застряли между мирами. Я лежал на своей половине матраса, намерт-

во вцепившись в лацканы отцовского пальто, и чувствовал, как у меня в волосах шевелятся вши.

В жизни не встречал человека, который умел бы так крепко спать, как мой отец. Наверное, это из-за работы в порту. Каждый день он с утра до ночи сгибался под тяжестью погрузочных клетей или тяжелых бухт каната, по сравнению с которыми выглядел просто муравьем. А после работы он обычно брал меня за руку, и людская река, состоявшая из таких же, как мы, приплывших неизвестно откуда, несла нас прочь от причалов по главной улице туда, где высились стальные леса будущих небоскребов. Отцу строительство таких зданий казалось настоящим чудом, он вообще с большим интересом относился ко всему, что делалось в мире. У него была хорошая память, плохие, постоянно болевшие зубы и неизбывная ненависть к туркам, которая всегда вспыхивала с новой силой, если ему доводилось пить чай с теми, кто думал так же. Но вот ведь что странно: как только какой-нибудь серб или мадьяр начинал выступать по поводу железного кулака Стамбула, мой отец, такой упорный в своей ненависти к туркам, внезапно чуть ли не со слезами говорил ему: *Ладно, эфенди. Может, теперь ты лучше помолчишь? Может, хватит об этом?* Али-Паши Ризванбегович был, конечно, тираном – но далеко не самым худшим из тиранов! По крайней мере, наша страна была прекрасна. Да и дома наши, по крайней мере, нам самим принадлежали. Затем следовали горестные воспоминания о той деревне, где

он провел детство: там были каменные дома, беспорядочно разбросанные по обоим берегам реки, вода в которой была такого зеленого цвета, что в новом языке у отца просто не находилось для этого нужного определения, и он был вынужден пользоваться словами своего старого языка, и тогда мне казалось, что только мы вдвоем стали вечными хранителями некой тайны. Дорого бы я дал, чтобы сейчас вспомнить это слово! А еще я никак не мог понять, зачем отцу понадобилось покидать такие чудные места, чтобы в итоге оказаться в этой вонючей гавани, где из-за того, что он молился, обратив к небу ладони, а также из-за его имени – Хаджиосман Джурич, – его так часто принимали за турка, что от имени он отрекся, а о родине старался вслух не вспоминать. По-моему, какое-то время он называл себя Ходжмен Друри – но похоронен был как «Ходж Лури», что означало просто «батрак Лури», благодаря догадке нашей квартирной хозяйки, которая сочла излишним такое нагромождение согласных в одном имени и назвала его так, как сочла более удобным, когда прибыли похоронные дроги, чтобы увезти тело покойного.

Я помню, наш тюфяк был весь покрыт какими-то страшными пятнами, а сам я стоял на лестнице и оттуда смотрел, как кучер грузит тело в повозку. Когда дроги тронулись с места, квартирная хозяйка положила мне руку на голову и далеко не сразу ее убрала, удерживая меня на месте. Помнится, накануне как раз прошел сильный дождь, и закат после него был красный-красный, так что вся улица тоже была залита

красным сиянием, а лошади, увозившие похоронные дроги, казались огненными. И с того дня отец больше никогда ко мне не приходил – ни во время выпавших на мою долю бедствий, ни когда я плакал, ни даже во сне.

* * *

Каждый вечер наша квартирная хозяйка опускалась на колени перед крестом, висевшим на стене, и молилась. Со мной она обошлась весьма милостиво: каждый день мне доставались жесткая корка хлеба и еще более жесткий тюфяк. За это мне было велено молиться, как она, складывая ладошки вместе; а еще я помогал ей с уборкой, бегал вверх-вниз по лестницам с ведрами, полными мыльной воды, охотился на крыс, чистил дымоходы. Таившиеся по темным углам пьянчуги иной раз пытались меня поймать, только куда им. Я был худющий, кожа да кости, но совершенно не боялся вечно торчавших под лестницей пьяниц, мог даже походя ногой их пнуть: пусть знают, что меня лучше не трогать. Наступило еще одно лето, а вместе с ним пришла и еще одна эпидемия, и у нас все чаще и чаще стал появляться тот похоронных дел мастер со своими черными лошадьми. На столбе возле нашей коновязи появилась какая-то неопрятная надпись. *Ты прочесть-то можешь?* – спросила у меня наша квартирная хозяйка и тут же пояснила: – *Там написано, что здесь «чумной барак» – ты знаешь, что такое «чумной ба-*

рак»? Оказалось, что для нас с ней это означает отсутствие постояльцев, совершенно пустые комнаты, пустой кошелек и пустой желудок. Когда гостиницу в следующий раз посетил похоронных дел мастер, хозяйка попросту отослала меня с ним. Стояла и молча смотрела то на меня, то на монету, которую он вложил ей в ладонь.

У похоронных дел мастера я прожил примерно год. Это был самый чистый человек из всех, кого я когда-либо знал. Просто спать не мог лечь, пока весь дом в порядок не приведет и шлепанцы непременно рядышком у кровати не поставит. Единственное, что в нем было не аккуратное, так это верхний зуб, как-то странно торчавший изо рта; с этим торчащим зубом он был похож на какую-то придурочную крысу. Мы вместе с ним то и дело ездили по всяким притонам и грязным развалюхам на Бликер-стрит и собирали свой «урожай мертвецов» – все это были обитатели тамошних лачуг; каким-то из них повезло помереть во сне, другим перерезали глотку их же приятели. Иной раз они до нашего приезда так и лежали в своей постели, кем-то заботливо прикрытые простыней. Но куда чаще трупы оказывались засунуты в какой-нибудь сундук с запертой крышкой, а то и под доски пола. Тех, у кого имелись какие-то деньжата или родня, мы отвозили к владельцу похоронного бюро. А безымянных везли в больницы на окраинах, где через заднюю дверь их у нас охотно принимали какие-то непонятные молодые люди, которые сразу клали труп на стол, а сами, нависнув над ним,

тут же начинали все внутренности несчастному покойнику наружу выворачивать, а кости добела кипятком отмывать.

Когда такого «товара» было мало, нам приходилось добывать его на церковных кладбищах. Давали два доллара при-
вратнику, чтоб отвернулся, пока мы будем бродить среди мо-
гил да свежую горку земли высматривать. Мой хозяин сразу
прокапывал узкий лаз в том месте, где, по его мнению, могла
находиться голова, а я влезал в холодную землю по пояс и
рыл до тех пор, пока железным прутом не разламывал доски
гроба. Затем я шарил пальцами внутри, стараясь нащупать
волосы или зубы покойника, и накидывал ему петлю на шею.
Но, чтобы вытащить его из-под земли, требовались наши об-
щие усилия.

«А все ж так полегче, чем их выкапывать», – разумно за-
мечал мой хозяин.

Иногда, правда, внутрь осыпалась еще рыхлая могильная
земля, а иногда, если земля была достаточно плотная, тело
застревало, и приходилось так и бросать его там, наполовину
выкопанное. Бывало, что покойник оказывался женщиной,
а то и ребенком. После такой работы отстирать одежду от
кладбищенской земли мне никак не удавалось, сколько бы
горячей воды я ни наливал из котла в прачечной.

Как-то раз в одном гробу оказались сразу двое; они лежа-
ли лицом к лицу, словно просто уснули, обнимая друг дру-
га. А однажды, не успел я сунуть руку в свежую могилу, как
земля подалась, а мои пальцы нащупали только мокрый бар-

хат подушки и больше ничего. «Тут нас кто-то опередил, – сказал я хозяину. – В гробу пусто».

Было и кое-что пострашнее. Я тогда как раз успел подсунуть пальцы под доски гроба, нащупал жесткие волосы мертвеца, щетину на подбородке и уже собрался накинуть веревочную петлю, как вдруг в темноте могилы кто-то схватил меня за запястье. Пальцы были сухие и твердые. Я так дернулся и заорал, что земля полетела прямо мне в разинутый рот и дальше, в глотку. Я отчаянно брыкался, но пальцы меня не отпускали, и мне уже казалось, что сейчас я и сам провалюсь в эту могилу, а значит, мне конец. «Пожалуйста, больше не заставляйте меня это делать, я больше никогда не смогу руки туда совать!» – рыдал я после этого случая. Но, как оказалось, прекрасно смог – несмотря на сломанное запястье и вывихнутое плечо.

Однажды нам попался какой-то уж очень здоровенный парень, который так и застрял на полпути из могилы, и я долго сидел на вскопанной земле, держа на коленях его бледную руку, пока хозяин не сунул мне пилу. А потом я тащил эту ручищу на плече, точно какой-то окорок, всю дорогу до города, завернув в кусок савана с рукавом, оторванным от одежды мертвеца. А через несколько дней, вечером, я заметил тот самый оторванный рукав на каком-то одноруком великане, неподвижно стоявшем среди толпы на рыбном рынке. У великана было бледное круглое лицо, и он застенчиво мне улыбнулся, точно старому приятелю, а потом как бы поплыл

ко мне, нежно обнимая этот пустой рукав, и вскоре оказался совсем рядом. Странно так говорить, но я совершенно точно почувствовал, как у меня по плечам словно щекотный ручеек пробежал, и понял: это он своей *призрачной* рукой обнял меня за плечи. Именно тогда я впервые испытал это странное чувство, возникшее как бы на внешних границах моего существа, — *чужую потребность, чужое желание*. А потом тот великан печально так вздохнул, словно все это время мы с ним только и делали, что дружески болтали, и сказал: «Боже, до чего же есть хочется! Я жутко проголодался. С удовольствием бы сейчас слопал целый пирог с треской. А тебе разве есть не хочется, маленький босс?»

«Да пошел ты!» — сказал я и сбежал.

Но, правда, вскоре остановился и оглянулся через плечо, высматривая в толпе этого типа, а то странное ощущение какой-то сосущей пустоты, *чужого* мучительного желания что-то получить так и осталось у меня внутри, притаившись в самом темном уголке, и долго еще, даже много дней спустя, оно будило меня по ночам, и мне казалось, будто кишки мои буквально сводит от голода. Я лежал в темноте, слушая бешеный стук собственного сердца и судорожно глотая слюну, а внутри у меня как будто что-то копалось, пыталось выбраться наружу и снедало меня изнутри. Обычным количеством еды насытить его было невозможно, тем более хозяин за обедом считал каждую съеденную мной ложку, приговаривая: «Хватит, черт побери, не то еще лопнешь». Но мне не

хватало – то, что я съедал, было способно лишь наполовину погасить мучительное *чужое желание*, поселившееся во мне. Хорошо еще, мой хозяин не видел, как я тайком подбираю яблоки, упавшие с тележки фруктовщика, или, выждав, когда булочник отвернется, краду с прилавка булочку или пирожок. Не видел он, как я жду, когда девушка из пекарни выйдет на улицу с такой большой и тяжелой корзиной на руке, что ее кренило на одну сторону, и станет кричать: «Пирожки с рыбой! Пирожки с рыбой!» Когда кто-то из прохожих ее останавливал, она приподнимала край клетчатой салфетки, и становилась видна целая гора пышных пирожков. «Пирожок с рыбой?» – спрашивала она, ласково на меня глядя и словно догадываясь, что то, *чужое*, желание стало совсем нестерпимым. Я заглатывал пять пирожков подряд, скорчившись в переулке у стены прачечной, где у меня над головой оглушительно орали прачки, но чем больше я ел, тем сильнее становилось желание того мертвого, пока не перелилось через край.

На какое-то время оно исчезло, и я довольно долго его не испытывал, снова оно возникло лишь несколько лет спустя, когда нас поймали. Это было уже после рабочего дома, после того как судья, огласив приговор, отправил моего хозяина на тот свет, а меня – на запад, на временный конечный пункт строившейся железной дороги вместе с шестью или семью другими мальчиками, сунув мне в руки некий документ, где значилось всего лишь мое имя: *Лури*.

Тащились мы туда целую неделю; поезд медленно ехал мимо ферм и желтых полей, мимо хижин на серых пригорках, направляясь туда, где Миссури, постепенно мелея, превращается в грязное болото. Город, куда нас привезли, состоял из многочисленных скотопрогонных дворов и узкой полосы жилых домов, вытянувшейся вдоль реки. Повсюду на склонах окрестных холмов сверкали свежие пни. Дорога была вдрызг разбита тяжелыми телегами, на которых высились горы толстых срубленных ветвей.

Нас отвели в ратушу, где пахло скотом и опилками, и велели подняться на возвышение, наспех сколоченное из досок от упаковочных клетей. Потом мальчишки один за другим по сигналу спускались куда-то вниз и исчезали в темноте. Того старика, что поднял руку, когда подошла моя очередь, звали Сорель. У него были грязноватые заросшие уши, а при ходьбе он заметно прихрамывал. У него был собственный магазин, где он торговал не только галантереей и мануфактурой, но и виски. В его квартирке над магазином вечно толпился народ, в основном приезжие из западных штатов. Кроме меня в работниках у него числились еще двое братьев: Хобб и Донован Майкл Мэтти. Хобб был совсем малыш, лет четырех-пяти, но с таким бешеным нравом, что порой заставлял и взрослых мужчин дрожать от страха. К тому же он

был невероятно ловким и вороватым — мог что угодно у кого угодно украсть и очень этим гордился. Однако Сорель ни разу и пальцем его не тронул — опасался Донована, который был лет на двенадцать старше братишки и выглядел вполне взрослым мужчиной. Стройный, мускулистый, рыжий, как лисица, он очень гордился своей недавно выросшей бородкой и носился с ней, а мы с Хоббом все время его из-за этого дразнили, порой довольно безжалостно. По воскресным дням Донован от нечего делать слонялся по улицам, мечтая встретить соперника из любого уголка нашего штата, чтобы сразиться с ним в честном кулачном бою и разбить о его физиономию костяшки пальцев. То, что во время драки страдала и его собственная физиономия, для него значения не имело. А утром после очередного кулачного поединка Донован как ни в чем не бывало варил кофе и скованно улыбался. Когда старик Сорель хорошенько врезал мне за то, что я ошибся, рассчитываясь с покупателем, и взял медяк вместо серебряной монеты, именно Донован с легкостью пожертвовал своей порцией второго, чтобы полечить мой распухший глаз с помощью сбереженного куска сырого мяса; именно Донован после дворовых драк зашивал и мою одежду, и мои раны; именно Донован учил меня: «Никогда и никому не позволяй лезть тебе в душу, Лури. Ни при каких обстоятельствах».

Два года мы вместе прожили в комнатушке на чердаке. Мы сами отскребли там пол и даже расчистили местечко, чтобы можно было поиграть в картишки, чаще всего в фара-

она. Сорель использовал нас в качестве грузчиков, а еще мы разбавляли заваренным чаем виски, которым торговал наш хозяин. Мы ухитрялись весело проживать даже унылые серые зимы, и особенно нас веселило, когда приходилось вытаскивать из сугробов заблудившихся в снегу пьяненьких соседей, вышедших в общественный сортир. Если кого-то одного из нас валила с ног лихорадка, двое остальных неизбежно заболели следом, а потом в той же последовательности выздоравливали – словно по одному поднимаясь и спускаясь по лестнице. Летом 1853-го мы втроем заболели брюшным тифом; Донован и я сумели выкарабкаться, а Хобб, к сожалению, нет. Старый Сорель, проявив великодушие, даже гроб для него оплатил, так что нам не пришлось делать его самим.

Хобб вернулся снова лишь через несколько месяцев. Вернулся без предупреждения, совершенно бесшумно. Видимо, после смерти он утратил свой звонкий голос, однако его страсть шарить в чужих карманах никуда не исчезла. Я плохо спал, вертелся в постели, меня мучили тревожные сны, и я то и дело просыпался, чувствуя, как Хобб своей ручонкой касается моего плеча, а утром обнаруживал на подушке какой-нибудь пустячок: иглу, наперсток, а то и подзорную трубу. Иногда *его* желание овладевало и мною, и меня тоже невольно начинало тянуть к воровству. Порой, когда я стоял за прилавком, а какая-нибудь приезжая женщина, поправив очки, наклонялась, желая получше рассмотреть товар,

у меня прямо-таки руки чесались – так хотелось вытащить что-нибудь у нее из сумки. Донован к этому времени сильно увлекся боксом, часто принимал участие в боях и тогда пребывал во власти бескрайней ослепляющей ярости. А я так и не сумел найти нужных слов, чтобы объяснить ему, как часто его маленький брат приходит ко мне в темноте и садится в изножье моей убогой постели. Не смог я придумать и сколько-нибудь разумного объяснения тому, отчего у меня под кроватью в коробке скопилась целая куча колец, очков, наперстков и пуль, которые рыболовы используют в качестве грузил. «Это я просто так украл, – солгал я, когда Донован все-таки эту коробку обнаружил. – Для Хобба». Для начала Донован мне как следует врезал, а потом крепко обнял, прижал к себе, и мы с ним долго сидели, обнявшись, пока у меня не перестало звенеть в ушах после его затрещин. Коробку мы отнесли на могилу Хобба, выкопали неглубокую ямку и ссыпали туда все украденные мелочи – это, между прочим, привело Хобба в такую ярость, что он долгое время не давал мне спать по ночам, заставляя и меня испытывать его неистребимое желание красть. Если честно, я не очень-то и возражал. Мне казалось, что если я после смерти Хобба превратился как бы в его старшего брата, то Донован теперь, наверное, может считаться *моим* старшим братом.

И я, подчиняясь желанию Хобба, начал заполнять украденными мелочами другую коробку. Но его желание, похоже, собиралось преследовать меня вечно. И если я поддавал-

ся ему и крал, скажем, карманные часы или ценную книгу, Хобб просто в восторг приходил. Чуть позже мне стало казаться, что желание Хобба проникло и в Донована и действует на него примерно так же, как на меня. Возможно, именно оно вдохновило нас и придало нам смелости, когда мы от скучных краж перешли к настоящим грабежам. Сперва, конечно, это были не грабежи, а одно название. Мы грабили тех, кому случилось пройти мимо той поляны, где мы в ночи делили добытое виски. У нас был один шестизарядный револьвер на двоих, но намеченная жертва, разумеется, об этом не знала. Я обычно следом за Донованом выходил из зарослей и молча стоял у него за спиной, пока он, приставив револьвер к пузу какого-нибудь толстого жулика или пьяницы, бормочущего что-то бессвязное, а то и священника, тщетно пытающегося наставить нас на путь истинный, обчищал ему карманы. Я помогал. И очень скоро у нас на чердаке под полом скопилась изрядная добыча: часы, увесистые кошельки с монетами, документы и деловые бумаги, которые, возможно, были для кого-то крайне важны. Теперь Хобб гораздо реже посиживал у меня на постели, зато часто с наслаждением рылся в этом ворованном барахле. Так что мы втроем вполне могли и дальше продолжать совместную жизнь.

Примерно в то же время Донован, участвуя в боксерском поединке, как-то чересчур сильно врезал в лоб своему противнику и рассек ему бровь, но, что было гораздо хуже, этот

парень, поднявшись на ноги, понес полную околесицу. Он ни на чем не мог сосредоточиться, даже в одну точку посмотреть не мог. Естественно, тут же явился шериф и стал задавать вопросы: по правилам ли шел бой и не спрятал ли Донован что-нибудь тяжеленькое в боксерские перчатки? Донован заявил, что на нем вообще никаких перчаток не было, и тут же получил от шерифа удар ногой по ребрам и вслед за этим вопрос: что мы можем ему, шерифу, предложить, чтобы он закрыл на все глаза? Я пожертвовал серебряные карманные часы из своей сокровищницы, однако уже через несколько дней тот же шериф снова явился к нам и спросил: «Интересно, как это получилось, что на задней крышке подаренных часов выгравировано «Роберт Дженкинс? А не тот это Роберт Дженкинс, которого на прошлой неделе ограбили на Лендинг-роуд?»

На этот раз Донован сломал шерифу челюсть.

Все лето мы были в бегах. А потом объявления с нашими физиономиями стали появляться чуть ли не на каждом углу. В Бретоне, в Уоллисе, даже в лагерях поселенцев в самых южных, заболоченных районах. Мы вглядывались в нарисованные углем портреты наших «личностей» и веселились – столь мало было сходства с оригиналами. «Надо бы, пожалуй, встретить врага во всеоружии», – заявил Донован. Так что, когда в следующий раз мы остановили почтовую карету, он заставил людей поверить, что мы – члены банды Мэтти. «Ну-ка, повтори еще раз, кто мы такие», – потребовал он у

возницы, сунув ему в рот дуло револьвера, и тот, разумеется, подчинился.

Когда нас вновь объявили в розыск, вознаграждение за нашу поимку было удвоено.

Мы прятались на чердаке в сарае. Сарай принадлежал одной прачке, наполовину влюбленной в Донована, которая на людях называла нас джентльменами, и это даже на ее соседей постепенно действовало. Они к нам привыкли и даже стали порой приглашать нас к ужину. Так мы и слонялись, без шляп и с довольно растерянным видом, из одной чужой кухни в другую. Здоровались через стол со странно улыбающимися хозяйскими дочерьми в белых кружавчиках и бормотали слова благодарности Всевышнему за несказанную щедрость и милость. Почему-то никто нас не выдал. «Кто бы мог подумать, – говорили эти люди, – что округу Пейтон так повезет: именно у нас будут скрываться двое парнишек, которые хотят показать этим федералам, как в Арканзасе относятся к ихним северным законам!»

После этого мы, так сказать, объединили силы с дальними родственниками Донована. Они тоже были из семейства Мэтти, но звали их Эйвери и Мейтерс Беннетт. Это были тупоголовые пьянчуги из Теннесси. К обоим очень подходило выражение «сила есть – ума не надо». Мускулов у них и впрямь было куда больше, чем мозгов. Но, как справедливо рассуждал Донован, вдвоем мы вряд ли могли претендовать на звание «банды Мэтти». Зато вчетвером можно было бы

попробовать даже совершить настоящий налет – скажем, на какую-нибудь небольшую железнодорожную станцию. Или на обоз переселенцев. И мы такой налет действительно совершили, скользя в темноте среди повозок и слушая, как вокруг нас вспыхивают, как свечи, испуганные крики.

А после ночного налета на почтовый дилижанс в Фордеме нам пришлось спасаться бегством, поскольку среди пассажиров оказался какой-то чересчур храбрый парень из Нью-Йорка, и он открыл по нам беспорядочную стрельбу из своего револьвера. Уже вторая посланная им пуля угодила Доновану в плечо. Остальное я помню довольно смутно. Помню только, что в ярости я схватил этого типа за волосы и буквально выволок его из кареты, и остальные пассажиры даже не пытались меня остановить. Потом газеты целых двух округов дружно называли это «настоящим зверством». Должно быть, я и впрямь озверел, хотя в памяти у меня почти ничего не осталось, и я, помнится, все удивлялся потом, оттирая и отмывая от крови свои ботинки, когда это я начал бить его ногами.

Вскоре на столбе было приклеено следующее объявление:

Объявлены в розыск:

Члены банды Мэтти.

*Свяжитесь с начальником полиции округа Пейтон,
шерифом Джоном Берджером.*

– Черт возьми! – не без гордости воскликнул Донован. –

Теперь за нами уже и настоящие шерифы охотятся. Это стоит отпраздновать.

А мне было что-то совсем невесело. Впрочем, событие это мы действительно отпраздновали. В нашу честь разожгли большой костер, и возле него я встретился глазами с какой-то темноволосой девушкой, имени которой сейчас припомнить не могу – если я вообще его когда-либо знал.

А вот она мое имя знала. И потом, уже у нас в сарае, едва услышав мое имя, моментально высвободилась из моих рук, села прямо и спросила:

– Так ты и есть тот турок, который совершает разбойничьи налеты вместе с Донованом Мэтти.

– Никакой я не турок!

– Люди говорят, что тот парнишка из Нью-Йорка, которого ты избил, может и не выжить.

– Парнишка?! – возмутился я. – Да это был взрослый мужчина! В настоящем костюме!

То, что Донован был моим братом, то, что он выкупил за взятку мою шляпу, сбитую выстрелом, а потом привел в порядок мое измочаленное тело, – все это, похоже, не произвело на девицу ни малейшего впечатления. Она тут же слезла с чердака, оставив меня в одиночестве трястись от страха и почти невыносимой тоски по Хоббу.

Под конец той недели Донован повел нас всех в город, чтобы собственными глазами посмотреть, как конный отряд полицейских во главе с шерифом Берджером отправится нас

ловить. Даже тогда шериф уже выглядел старше своих лет, лоб у него был весь изрезан морщинами, точно свежевспаханное поле. А его голая верхняя губа была, по крайней мере, тона на три светлее остального лица, и можно было поклясться, что он только что сбрил усы и теперь весьма сожалеет об этом, потому что он все время машинально подносил руку к несуществующим усам и делал вид, будто просто прикрывает рот рукой. Мы с Донованом и братья Беннетт стояли в задних рядах толпы и вместе со всеми хлопали в ладоши, когда шериф толкал речь о том, какой вред наносят те, кто укрывает нарушителей закона.

– А ведь в этих парнях ничего хорошего нет, – заявил он в итоге. – Это по-настоящему плохие парни. Грубые и дьявольски злобные. И те, кто их укрывает, тоже свершают зло. Вот и задайте себе вопрос: дали бы вы им хлеб и кров, если б вашего сына или племянника так уделали, как этого парня из Нью-Йорка: все ребра у него, бедняги, переломаны, один глаз выбит, зубы в глотку вбиты...»

Я еще тогда, помнится, подумал: а каким может оказаться *желание* того нью-йоркского парня, ежели он все-таки умрет, а потом меня разыщет? Вдруг он опутает меня своей тоской по всем тем вещам, сделать которые так и не смог или не успел, потому что не дожил? Или станет давить мне на мозги, чтобы я сам сдался шерифу Берджеру? Или отомстит за свою смерть тем, что меня отправят обратно к моим со-родичам?

А шериф Берджер продолжал в упор разглядывать наши раскрасневшиеся на солнце физиономии. По крайней мере, половина собравшихся там людей знали нас в лицо, но молчание нарушил только один – этот придурок Льюис Райфлс, сын нашего мельника.

– А вы уверены, что на рисунках у вас точно эти бандиты? Вам известно, какого каждый из них роста и сколько весит? Судя по этим-то картинкам, любого из нас легко можно счесть членом банды Мэтти. Может, кто-то из них и сейчас здесь, среди нас, стоит?

Льюис Райфлс продолжал улыбаться и с каждым словом держался все более нахально, так что на площади то и дело стали вспыхивать смешки.

Шериф, не поднимая глаз и словно любуясь собственной тенью на земле, устало ответил:

– Да, изображения у нас верные. И я вполне допускаю, что в данный момент эти люди могут находиться среди вас. – Потом ему эта болтовня явно надоела. Он спустился с трибуны, схватил Льюиса за ухо и заставил его опуститься на колени. «Да ладно, я же просто так», – бормотал Льюис, но всем было ясно, что с оправданиями он опоздал. Его ухо, стиснутое пальцами шерифа, побелело и напоминало нераспустившийся цветочный бутон. Потом он вдруг отчаянно заверещал, задергался, и мы увидели, с какой легкостью шериф оторвал у него мочку уха вместе с длинной полоской кожи на щеке, покрытой рыжими волосами. А Берджер, стоя над беднягой

Льюисом, который свалился на землю, уткнувшись носом в кусок собственного уха, припорошенный пылью, словно он его жарить собрался, сказал: – Любого, кто вздумает помешать мне разобраться с этим зверьем из банды Мэтти, ждет то же самое, а может, и что похуже.

Ему очень хотелось нас поймать; целый год он устраивал одну засаду за другой, и невдомек ему было, что теперь весь округ против него настроен, потому что он этому дурачку Райфлсу ухо оторвал. Люди прятали нас в курятниках и подвалах. Они передавали нас друг другу, точно самых родных и близких людей. Иной раз нам чудом удавалось спастись, и в таких случаях мне всегда казалось, что это, должно быть, Хобб за нами присматривает оттуда, где он теперь, – если, конечно, не занят тем, чтобы вызывать во мне то *свое желание*, пощипывая мне кончики пальцев. Такое вот маленькое чудо каждый день посылал нам наш маленький братишка, которому хотелось одного: чтобы мы были дома и в полном порядке.

Но однажды вечером бешеный темперамент Донована все же прорвался, и почтовая карета из Баттерфилда, которую мы захватили, мгновенно наполнилась громом выстрелов его шестизарядника и синими вспышками. Возникла суматоха, кто-то пронзительно закричал, и эхо тех пронзительных криков преследовало нас потом до самого города.

Ей-богу, смешно: ты столько лет ходишь туда-сюда по одной и той же узкой дорожке – и ничего, но в какой-то мо-

мент соскальзываешь с нее, и тебе конец. В Арканзасе можно много чего совершить и все же уйти от наказания, но только не в том случае, если ты вышиб мозги мировому судье, да еще и прямо на колени его маленькой дочери. Эта оплошность дорого нам стоила: написанное вручную объявление оказалось приклеенным к дверям того амбара, что служил нам временным домом.

*Разыскиваются за убийство:
Джеймса Пирсона из Нью-Йорка,
а также
достопочтенного мирового судьи
Колина Филиппса из Арканзаса
ДОНОВАН МАЙКЛ МЭТТИ из Миссури и
его юный сообщник, левантиец, судя по чрезвычайно
густой шевелюре.*

– Вот черт! – сказал Донован. – Значит, тот нью-йоркский хмырь все-таки помер!

Такого ужаса я не испытывал с тех пор, как руками в могилах рылся.

– А чего это они все о моих волосах пишут? – спросил я.

– Потому что такую волосатую обезьянку, как ты, легче заметить, – ответил мне Мейтерс Беннетт, хотя сам-то он здорово смахивал на рыжую косоглазую морковку. – По-моему, Лури, надо тебя сразу полиции сдать. Пока ты за нами всюду хвостом таскаешься, на нас любой донести сможет.

Но Донован велел ему заткнуться и сказал, что никого мы

сдавать полиции не будем, нечего об этом и говорить. А вечером он обрил мне голову наголо, и она стала гладкая, как барабан, а я стал похож на одного из тех психов, которых иезуиты вечно с собой водят.

– Зато на левантийца ты уж точно больше не похож, – с удовлетворением заметил Донован.

Мы сели на коней и поехали в глубь горного района. А там разделились, чтоб следы замести. Ночевали, естественно, под открытым небом, выкопав ямку в земле и слушая, как скрипят и стонут над головой черные деревья. Иногда мы по нескольку дней друг друга не видели. А бывали случаи, когда люди Берджера подбирались к нам так близко, что весь лес, казалось, вспыхивал от красных отблесков их факелов.

Ну а потом Мейтерс подцепил тиф в публичном доме в Грейбенке. Мы вывернули карманы, чтобы набрать денег на взятку тамошней «мадам», и очень просили ее поддержать Мейтерса у себя, пока ему хоть немного полегчает, но она и двух дней ждать не стала – сразу его шерифу выдала. Мейтерса, конечно, повесили без суда и следствия прямо на балке в Грейбенке. Мы слышали об этом от одного продавца газет в Друри-сити, который в подробностях пересказал нам последние слова Мейтерса – он помолился и наотрез отказался выдать своих сообщников. «Я человек верный и законы соблюдаю, – так он вроде бы говорил, – как и Мэтти, а он – мой родственник. Да только, Господь мне свидетель, с Мэтти все время таскается один отвратительный мальчон-

ка-турок, суший дьявол, убийца, так вот он, чтоб от закона уйти, недавно себе голову обрил. Сам себя он называет именем Лури, и он совершенно точно никакой не Мэтти, хоть он и забил ногами того нью-йоркского парня. Но это, пожалуй, единственный раз, когда он хоть на что-то сгодился. Аминь».

Когда Донован это услышал, у него на лице прямо-таки вся его жизнь отразилась. Он велел мне тут же надеть шапку и сказал:

– А знаешь, он ведь во многом насчет тебя прав оказался.

– Что ты имеешь в виду? – в отчаянии пролепетал я. Мне казалось, что он просто собирается с духом и сейчас скажет мне, что я никакого отношения к его банде не имею.

– Ну, например, то, что ты и впрямь отвратительный маленький убийца. И ты действительно турок. И голова у тебя обрита.

В зеленых холмах над Тексарканой Берджеру удалось подобраться к нам совсем близко. У него были не только полицейские собаки-ищейки, но некий востроглазый снайпер, который, устроившись на дереве, так ловко меня срезал, что я даже из седла вылетел. Потом-то Донован, конечно, мою рану в плече промыл и зашил ее в темноте, как сумел, только меня все равно стала лихорадка бить. Тогда он уложил меня в какую-то канаву, накрыл потником, а сверху еще и камнями, нагретыми в костре, обложил. И все повторял с какой-то странной отсутствующей улыбкой: «Черт побери, не можешь же ты умереть, если даже океана ни разу не видел!»

Что это ему в голову пришло? Неужели мы все это время именно к океану и направлялись? И разве мне самому так уж сильно хотелось этот океан увидеть? Не очень-то я был в этом уверен. А еще мне хотелось знать, не в Донована ли мне придется вложить свое *желание*, если я этой ночью загнусь? Благодаря одной лишь мысли об этом мне удалось прободрствовать почти всю ночь, но под утро я все же то ли заснул, то ли сознание потерял. В общем, когда я очухался, Донован исчез. Сперва я подумал, что это, должно быть, означает, что я просто перешел на ту сторону жизни – и, помнится, не испытывал никакого желания увидеть что-нибудь этакое, и уж точно не проклятый океан. Ну, не смешно ли?

А потом я обнаружил возле себя хлеб и воду, которые явно оставил мне Донован, и мне стало ясно, что он меня бросил, а сам поскакал дальше. Жаль, думал я, что я раньше не догадался поступить как надо и умереть до того, как он решит меня бросить. От него остались только следы на влажной земле, ведущие в ту сторону, куда он потихоньку сбежал, брат Хобба и мой тоже. У меня даже на память от него ничего не осталось – только горбушка хлеба, старая фляжка с водой да еще мой страх.

В первый раз я снова наполнил эту фляжку в Айрон-спрингз. И даже некоторое время искал там Донована. Я и в Гринвуде его искал. Только искать его было бессмысленно – ведь я каждый раз описывал его иначе, спрашивая, не видел ли кто такого парня; в конце концов кто-нибудь непре-

менно признал бы меня и, сложив вместе два и два, догадался бы, что мы с Донованом связаны. Ночевал я в каких-то вонючих проулках. А кормился в церквях, и каждый приходской священник со всем пылом своих убеждений пытался заполучить мою душу, словно зная, что при мне не только мои собственные грехи, но и грешная душа маленького ворюшки Хобба, так, может, ему удастся нас обоих обратить в веру и отправить к Богу в рай.

Я сидел в кафе дешевой гостиницы в Миза Ридж, когда туда шаркающей походкой вошел шериф Берджер, а за ним и еще восемь человек. Берджер тяжело плюхнулся в кресло, которое заскрипело так, словно наконец-то обрело возможность высказать вслух все свои боли и страдания. А шериф, этот хитрый старый волчара, стал внимательно смотреть в глаза каждому из присутствующих по очереди, и на мне его взгляд как-то особенно задержался. Ясное дело, он спрашивал себя: отчего это моя физиономия кажется ему такой знакомой? Откуда он меня знает? В общем, я выждал, когда заиграла музыка и на танцполе стало не протолкнуться, и потихоньку выскользнул через заднюю дверь, а к утру уже снова вовсю продвигался к югу.

Я с самого начала нацелился идти на юг до тех пор, пока лица тех, кто объявлен в розыск и за кого обещано вознаграждение, не начнут казаться мне абсолютно незнакомыми. Наконец я добрался до побережья, и один рыбацкий городок за другим зажигал передо мной по вечерам свои бледные

огни. Ночевал я в основном в чужих лодках; море баюкало меня, а я размышлял о том, что хуже: оказаться далеко за волноломом, не имея весел, или же, проснувшись, увидеть нависшую надо мной ненавистную рожу шерифа Берджера. Речные баржи к югу от Матагорды обещали более надежное убежище. Но их трюмы, полные товаров, постоянно вводили Хобба в искушение. Его желание красть, по-прежнему жившее во мне, с каждым разом все возрастало. Ему хотелось украсть рыболовные крючки и колокольчики, а также всякие амулеты «на счастье». Он заставлял мои пальцы хватать любую блестящую монетку или пряжку с туфли. И приходил в неопишемую ярость, когда я обменивал *его* побрякушки на еду. Хотя в моих карманах оставалось еще немало всякой украденной дребедени, он злился, считая, что мы «ушли пу-стыми».

А я все шел и шел на юг вдоль изрезанного бухтами побережья. Эти однообразные, сменявшие друг друга дни и недели, эти люди в рваной одежде, ловившие рыбу на мелководье, эти стремительно налетающие шквалы, следом за которыми с небес изливались потоки черного дождя, – все это, наверное, продолжалось бы бесконечно, если бы весной, должно быть, 1856 года я при свете пылающего заката не взобрался по веревочной лестнице на полностью оснащенное парусное судно, на носу которого была изображена красивая рыба-меч. Судно стояло у дальнего причала в Индианоле. Поднимался ветер, и над волнами на западе все сужа-

лась последняя полоса ставшего зеленоватым закатного света. Я потом не раз удивлялся, почему это я так хорошо все запомнил: то ли знал, что это стоит запомнить, то ли просто минувшие годы придали тем моим воспоминаниям оттенок Предвидения?

Но как бы то ни было, а Хобб, увидев, что на палубе никого нет, тут же запустил в меня свои коготки. Я обшаривал койки и походные сумки, пытаюсь найти хоть что-то, способное его успокоить. Но ему не нужна была ни удивительная кофейная чашечка, которую я сразу же схватил, ни серебряная уздечка. Нет, оказывается, ему была нужна какая-то странная стеклянная бусина, темно-синяя, как морская вода, с как бы вплавленными в нее и вызывающими легкое головокружение пересекающимися окружностями, которые, казалось, движутся. Эту бусину я вытащил из какого-то маленького свертка и почти сразу догадался, что это глаз; во всяком случае, нечто, весьма похожее на тот *nazar*¹, который мой отец всегда носил в кармане. Я взял его и отдал Хоббу. Потом побродил по палубе. Наполнил свою фляжку водой из бочки. На корме я обнаружил некий весьма неуклюжий сарай и потихоньку забрался туда, надеясь, что смогу найти там убежище до утра.

Там, разумеется, было совершенно темно, и я, ничего не видя и лишь чувствуя странную густую вонь и чье-то дыха-

---

¹ Nazar (арабск., турецк.) – «глаз», «взгляд» (в том числе дурной). – Здесь и далее примечания переводчика.

ние, внезапно перепугался до потери сознания. И что же я должен был найти в этом ужасном сарае? Конечно, тебя!

Часть 2

Утро

Амарго

Территория Аризона², 1893 г.

Тоби примчался к ней от ручья с пустыми руками и сообщил, что снова видел те следы – на этот раз ниже по течению.

– Ну, хорошо, – вздохнула Нора. – Показывай.

Натянув поводья, она последовала за младшим сыном, спускаясь по тропе в узкое глубокое ущелье, образованное высокими крутыми берегами старого высохшего речного русла. Тропа, огибая древние черные напластования, некогда созданные мощным горным потоком, с четверть мили извивалась меж зарослей хлопковых деревьев и резко спускалась вниз, к воде, от которой, правда, мало что осталось. Вместо воды в неглубоких бочажках блестела на сентябрьском солнце жидкая грязь, и в ней виднелись бороздки следов, оставленных теми немногочисленными саламандрами, которым удалось ускользнуть от Тоби.

Мальчик указал Норе на брошенное им ведро:

---

² Ранее территория – административная единица в Америке, находящаяся под государственным суверенитетом, но не принятая в США и не имеющая прав штата или провинции, однако обладающая собственной законодательной властью, губернатором, чиновниками и пр., назначенными президентом и утвержденными сенатом.

– Вон они, следы.

– Вон те? – спросила она, с облегчением разглядывая голову сына: у Тоби наконец-то снова начали отрастать волосы.

Все семнадцать лет материнства, пока подрастали трое ее сыновей, единственным действенным методом борьбы со вшами было постоянное бритье мальчишечьих голов, но для Тоби последствия этого действенного метода оказались весьма прискорбны – он выглядел как маленький дезертир, бежавший из какого-то беспризорного отряда, обритый в наказание за совершенное бесчестье. А что, если на этот раз он после бритья навсегда останется лысым? Младший сын Норы и без того имел довольно жалкий вид – он был слишком маленьким и худеньким для своих семи лет, и кожа у него была слишком нежная, покрытая золотистым заггаром, и сам он был чересчур мягкосердечным, и его вечно терзали всяческие сомнения. И он, в точности как его отец, был склонен к самым неожиданным, даже диким поворотам мысли.

В последнее время, впрочем, прежние его заботы и волнения вытеснило появление все новых и новых следов «чудовища», бесконечные разговоры о котором уже сделали Тоби посмешищем в глазах старших братьев. Роба и Долана раздражали всякие «детские сказки» о привидениях, поскольку себя они считали теперь настоящими мужчинами. Причем мужчинами неотразимыми. Единственным проявлением милосердия с их стороны было данное Тоби обещание незамедлительно с чудовищем разделаться, – «Ты только скажи, Тоб,

мы его враз на наживку поймает!» – что, впрочем, шло вразрез с желаниями самого Тоби, ибо ему совсем не хотелось ни *видеть* чудовище, ни тем более его *ловить*; он всего лишь хотел, чтобы все поверили, что чудовище на самом деле существует. На прошлой неделе старшие братья взяли его с собой на заброшенный участок Флоресов, где якобы впервые и появились загадочные следы. Они думали, что так им удастся излечить братишку от глупых фантазий. (Как именно они это собирались делать, Нора представления не имела, но все же несколько раз предупредила их, чтобы они как можно осторожней обращались с больным глазом Тоби. Впрочем, все они были ее мальчиками, ее сыновьями. Сыновьями Эммета. И если не вспоминать об их оставшихся в прошлом подростковых «бунтах», то Роб и Долан были ребятами правильными – честными, осторожными, аккуратными в обращении с людьми вообще и с Тоби в частности.) И все же Нора с некоторой тревогой ждала их возвращения, стоя на крыльце, пока они наконец не появились, вынырнув из кипящих красноватых сумерек на двух лошадях, отбрасывавших длинные тени. Крепенький Долан ехал, подпрыгивая в седле, чуть позади, а Роб впереди, и выглядел он в свои шестнадцать настолько худым и оголодавшим, что Нора даже удивилась, как это у него хватает сил еще и Тоби одной рукой удерживать, посадив младшего братишку перед собой.

– Ну что? – крикнула она. – Показали зубы тому страшилищу, что там прячется?

Роб спустил малыша на землю и сказал:

– Ничего мы там не нашли – только несколько куропаток да старый пустой черепаший панцирь. – И дружно решили, что уж они-то точно больше Тоби пугать не будут.

И Тоби даже чуть-чуть улыбнулся уголком губ. Казалось, вопрос с чудовищем был исчерпан. И все же каждое утро мальчик спускался к завтраку с красными от недосыпа глазами, хотя спать ему явно хотелось; голова у него буквально падала, и он все подпирал ее руками. Когда Нора посылала его в курятник за свежими яйцами, он их то и дело ронял, оставляя на полу желтые пятна. А по ночам – когда Эммет сидел на кухне, склонившись над гранками своей газеты «Страж», а Роб и Долан давно уже спали наверху мертвым сном, – Нора осторожно подкрадывалась к спальне Тоби и, приложив ухо к двери, слушала, как мальчик беспокойно вертится в постели, шурша простынями.

Эммет – и это было вполне предсказуемо – связывал нынешние страдания младшего сына с тем, что теперь в семье называли «прошлогодней неудачей». Теперь абсолютно все, что у Тоби могло пойти как-то не так, можно было объяснить именно тем падением с лошади, которое случилось в прошлом марте и вроде бы ничем не отличалось от дюжины других таких же падений; во всяком случае, сам Тоби на такие вещи и внимания-то никогда не обращал – это было настолько обычное дело, особенно для мальчишки, что Нора даже не потрудилась подойти к нему, когда он упал, ибо зна-

ла, что он, как всегда, только отмахнется. «Сомневаюсь, что это падение можно было как-то предотвратить», – заверил ее Док Альменара уже после того, как объявил: это просто чудо, что Тоби сразу же не ослеп на оба глаза. С тех пор они все только и делали, что ждали, когда левый глаз Тоби снова начнет видеть, а также ослабеют и некоторые другие неприятные явления, связанные с тем несчастным случаем: головные боли, порой доводившие его до рвоты, свечение «молний» перед глазами и мучительная неспособность отличать бодрствование от сна.

Тоби стал бояться темноты и тех странных существ, что с ревом бросались на него из бездны потревоженного очередной «молнией» сна. Но гораздо хуже оказалось то, что нежную любовь Норы он принимал за жалость. Она находила это ужасно несправедливым – но и с собой ничего не могла поделать; довольно часто, особенно когда Тоби налетал лбом на стену или нечаянно смахивал со стола чайную чашку, ей хотелось взять его головенку в ладони, прижать к себе и не отпускать. А Тоби – то ли он был слишком мал, чтобы в таких случаях задавать ей вопросы, то ли, наоборот, стал уже достаточно взрослым и все понимал – вполне мог и зубами от злости закрипеть, если Нора, не сдержавшись, слишком бурно проявляла свои материнские чувства. Сейчас он был как раз в том возрасте, когда мальчику подобные проявления чувств кажутся просто невыносимыми.

К счастью, однако, ему пока что даже в голову не пришло

спросить, чего это она сидит рядом с ним на корточках у пересохшей речки и делает вид, что очень внимательно его слушает.

– Смотри, – сказал ей Тоби. – Видишь?

Она посмотрела. Берег ручья и впрямь был испещрен следами, но все они казались знакомыми: отпечатки лап скунса и дикобраза, гладкий извилистый след какой-то змеи, пересекавшей заболоченное пространство.

– Ты не туда смотришь, – возмутился Тоби. – Смотри вон туда. Видишь, какие глубокие следы?

Он указал на округлую вмятину размером с небольшую тарелку, а потом и пальцем ее обвел, что придало странной вмятине сходство с сердечком из детской книжки с картинками.

– А еще какие-нибудь следы есть? – спросила Нора.

И Тоби показал ей еще несколько мест, где за мох зацепились клочья какой-то рыжей шерсти – гривы чудовища, как он утверждал; такие же клочья шерсти они обнаружили и чуть дальше, на старой звериной тропе, с обеих сторон заросшей пожухшей от жары травой.

– Должно быть, *оно* в ту сторону направилось, – сказал Тоби. – Ишь сколько камней своими лапищами вывернуло.

– Ты хоть представляешь себе, как это «оно» выглядит?

– Ну, оно наверняка довольно-таки большое. – В качестве доказательства он подвел мать к разросшемуся кусту каркаса. Его ветки со всех сторон были общипаны буквально до-

гола. А немногочисленные уцелевшие плоды, сморщенные и похожие на оранжевые игрушечные шарики, остались висеть только у самого ствола.

– Видишь, как оно их обьяло?

– Ни одно живое существо не в состоянии так быстро расправиться с ягодами каркаса во время засухи, Тоб. – Нора начинала раздражаться. – За исключением Джози, пожалуй. А ведь сколько раз я ей говорила, чтобы она сходила сюда и все собрала, пока ее птицы не опередили!

Нора осторожно просунула руку в колючий куст, сорвала один оранжевый шарик и протянула его Тоби, но он лишь стиснул его пальцами так, что кожица лопнула и сквозь пальцы потек липкий сок, затем он демонстративно вытер руку о штанину и отвернулся, явно рассерженный недоверием матери.

– В чем дело, Тоби?

– Ты думаешь, я сказки сочиняю? Ты даже как следует не посмотрела!

– Я посмотрела.

– Но не так, как если бы действительно надеялась что-то найти!

Нора подвернула штанины и нырнула в заросли, старательно делая вид, что ищет следы неведомого «чудовища». Мальчики с давних пор называли тропу на этом склоне холма «тропой антилопы» – хотя все антилопы отсюда давным-давно ушли, довольно быстро сообразив, что наверху

их поджидает какой-то человек (это было небольшое чучело из мешковины, которое Эммет поставил у верхнего конца тропы еще в те времена, когда они здесь считались совсем новичками). Сейчас склон был, точно паршой, покрыт кло-чьями мертвой травы, ее неровные пучки торчали один над другим вплоть до красной каменной щеки отвесного утеса. И вокруг не было ни звука. Разве что мог случайно выпорхнуть из зарослей карликового дуба глухарь, перелетающий с одного деревца на другое. Вот и сейчас один такой с шумом вылетел из леска, едва его коснулась тень Норы.

А она, пребывая в каком-то мечтательно-сонном состоянии, так и застыла среди новой поросли этих «железных» деревьев, погрузившись в воспоминания. Должно быть, солнце на нее так подействовало. Черт побери, а ведь она почти ни разу за все утро не вспомнила о мучившей ее жажде. Наверное, пока она спала, с ней произошло некое чудо, и эта жажда стала для нее такой же обычной и незаметной, как дыхание. Она двигалась неторопливо, ощущая тепло своего тела, и была теперь даже рада, что из-за Тоби отложила поездку в город. Сейчас она уже не так нервно воспринимала то безумное множество проблем, которые на нее свалились. Впрочем, в том, что Эммет задержался уже на целых три дня, не было ничего необычного, хотя все они очень ждали, когда он вернется из Кумберленда и привезет воду. Ну да ничего, он конечно же вернется не позднее нынешнего вечера, а в цистерне еще осталось немного дождевой воды, так

что они вполне продержатся. Ничего необычного не было и в том, что постели Роба и Долана утром оказались пусты. Они ухитрились еще затемно бесшумно собраться и наверняка поехали в типографию, как делали в последнее время довольно часто, стараясь лишний раз не будить мать. Нора решила, что и она, как только немного успокоит взволнованного появлением новых следов Тоби, тоже поедет в город и отвезет своим сыновьям ланч – это будет довольно долгая, но спокойная и приятная поездка. Она никуда не будет спешить и, возможно даже, набравшись храбрости, остановится возле дома Десмы и возьмет у нее обещанные бифштексы из лосятины. А может, и к шерифу Харлану заглянет, посмотрит, не заскучал ли он там.

– Наверху ничего нет, Тоб.

– Ты же и десяти ярдов не прошла!

– Тоби. – Он на нее даже не посмотрел. – Ну и когда же мне, по-твоему, можно будет назад повернуть? Когда меня змея укусит? Вот что ты тогда со мной будешь делать? Ты тут один-одинешенек, а братья твои в городе. – Она слегка улыбнулась и чуточку смягчила тон: – Неужели ты сможешь взвалить меня на плечо и сам до дома донести?

В ответных словах Тоби звучала прямо-таки убийственная печаль:

– Ладно, мам, спускайся, пожалуйста, обратно.

Но она все-таки прошла еще немного дальше. Какие-то колючие семена вцепились ей в брюки. Тропинка станови-

лась все более узкой, и у первого крутого поворота Нора остановилась. Здесь тропа почти скрывалась в нависшем над ней подлеске и лохмотьях пожухлой травы. Огромный коричневый кузнечик, перелетая с одного стебля на другой, постепенно сливался с травой, как бы превращаясь в отдаленный шорох. Над головой у Норы, выше тропы ярдов на двадцать, с кустов свисали клочья моха. Выгоревшие на солнце и рыжие, как волосы той мертвой девушки, которую они с Эмметом вытащили из провала в расщелине в самое первое лето здесь. Ее плоть ломалась с хрустом, как щепки для растопки. Кожа, покрывавшая пересохшие мышцы, была жесткой и будто покрытой странными насечками. С черепа вместе с волосами свисал пучок точно такого же оранжевого мха. Никаких явных следов того, как она могла угодить в этот провал, они не обнаружили, и Эммет высказал предположение, что она, должно быть, сама заползла в эту щель, спасаясь от жары, а обратно выбраться не сумела. И теперь сама над собой смеялась – и этой жуткой улыбке было, наверное, лет сто, а может, тысяча, точнее они определить не смогли.

– Здесь тоже ничего нет, Тоб.

Нора видела, как ее сынишка внизу уже снова хмуро вглядывается в странные следы на берегу.

– Разве это не... ну... разве это не след раздвоенного копыта, а, мам? *Дьявольского?*

– Нет. – Она внимательно на него посмотрела. – Откуда

здесь взяться парнокопытным?

Он слегка пожал плечами, однако теперь его опасения уже вырвались на свободу, и он был не в состоянии притворяться, что согласен с матерью. Интерес к отпечаткам раздвоенных копыт, то есть *копыт дьявола*, как и все прочие подобные нелепости, возникавшие в мыслях Тоби, своим появлением в последнее время были обязаны исключительно Джози, дальней родственнице Эммета, опекуном которой он теперь считался. Джози обожала все сверхъестественное и питала сильный интерес к оккультизму.

– Кстати, – вспомнила Нора, – у свиней копытца тоже раздвоенные. Вспомни-ка.

– Что-то не получается.

Нора подняла два пальца:

– Они оставляют следок, похожий на крылышки моли. – Она спустилась к сыну, и они вместе стали рассматривать след на красной земле. – Нет, у этого животного нет раздвоенных копыт, Тоб. Так что это точно не дьявол. Как бы Джози ни пыталась вбить это тебе в голову.

– И ничего она мне не вбивает!

– Зато правильным вещам явно тебя не учит.

И они потащились обратно по руслу высохшего ручья, и пустое ведро печально звякало, стучаясь о ногу Тоби. Но свою свободную руку он засунул поглубже в карман – чтобы Нора не достала.

Выбравшись из ущелья, Тоби вдруг остановился.

— Мам, а собаки-то где?

Норе было страшно жарко, она совершенно задохнулась, поднимаясь по крутому склону, и понятия не имела, где их собаки. Но вопрос сына словно высветил причину того, отчего ее все утро преследовало странное ощущение некой пустоты. И дело было вовсе не в том, что Роб и Долан уехали еще ночью, и не в том, что затянувшаяся задержка Эммета теперь заставит ее приготовиться к еще одному мучительному дню без воды. Нет, рядом со всем этим существовало что-то еще, как бы под ним скрывавшееся, и теперь ее словно ударило током: собаки! Их собаки исчезли! Четыре или, может, даже все пять собак, включая того старого любвеобильного кобеля, который едва остался жив после недавней случки с самкой койота, сводившей его с ума. Их лай — лай невоспитанных и неуправляемых животных — в любое время дня доносился из каждого угла фермы и порой приводил Эммета в такую ярость, что он грозил разом всех этих собак прикончить; однако лай был постоянным спутником их жизни, и сейчас его полное отсутствие воспринималось Норой как некая всеобъемлющая тишина, которую совершенно не способна ни заполнить, ни нарушить простенькая тихая музыка трав.

– Наверное, их ребята с собой взяли, – неуверенно предположила она.

– Куда?

Нора задумалась.

– А может, они заодно и поохотиться решили?

Впервые за весь день Тоби рассмеялся и с упреком сказал:

– Мам, ну что ты всякие глупости говоришь, а?

Резко повернувшись, он первым двинулся к дому, видневшемуся на фоне утеса. В окнах дома плавилось жаркое солнце, а из каждой трещины в дверном проеме предательски просачивались густые клубы черного дыма – явный признак того, что Джози попыталась поджарить яичницу. В последнее время Нора часто ловила себя на мысли о том, что станет с этим домом, когда семейство Ларков окончательно выдохнется и будет вынуждено сдаться. Когда Роб – окончательно потеряв терпение – все-таки плюнет на все и уйдет с караваном скотопромышленников, перегоняющих свои стада на север; а Долан – если Господь будет к нему милостив – станет учеником какого-нибудь терпеливого судьи и попадет под его благодатное покровительство; ну а Эммет, который всегда идет только своим путем, бросит газету, погрузит Нору, Тоби и престарелую мать в фургон и двинется навстречу новым приключениям где-нибудь в безымянном лагере поселенцев, если такие еще останутся в этом мире. И тогда в их доме воцарится тишина. Мыши, подобрав все до последней крошки, во множестве поселятся под свесами крыши. А по-

том придут гремучие змеи и станут охотиться на мышей. По всему склону холма разбредутся горные дубки с их жадными до влаги корнями, занимая все больше земли, переползая через новую изгородь, через надгробие на могилке Ивлин и спускаясь дальше вниз, к пригородам Амарго. Травы засыплют семенами весь двор, и он вскоре зарастет теми самыми сорняками, на борьбу с которыми было положено столько труда; сорняки будут захватывать плацдарм за плацдармом и вскоре ничего не оставят от грядок с капустой, посаженной Норой, спрятав их под плотной слежавшейся подстилкой. Возможно, где-нибудь в конце лета ветер, поднявшийся во время грозы, снесет крышу с амбара и повалит холодный сарай. И вскоре, наверное, какая-нибудь маленькая колючая и наглая опунция прорастет сквозь пол в одной из нижних комнат, а потом и весь дом окажется забит переплетением спутанных корней. А однажды тихим осенним вечером темные окна дома привлекут внимание кого-нибудь из отчаявшихся соседей, и те захотят попытать там счастья; ведь именно так когда-то поступили и Эммет с Норой, когда семейство Флорес – Родриго, Сельма и маленькая подружка Тоби Валерия – взяли и смотали удочки, никого не предупредив об отъезде. Уехали и «до свиданья» не сказали – как и полагается тем, кто сдался и стыдится этого.

Норе стало не по себе уже тогда, когда Эммет, стоя посреди пыльного двора Флоресов, пытался понять, сколько же времени в их колодце не было воды; но потом они соверши-

ли еще более жестокую ошибку – вошли в дом, где их поджидали призраки множества мелких, но разбитых вдребезги надежд и ожиданий. И разбитых сердец. Все постели оказались аккуратно застланы. И в ящике буфета все еще лежали коробки со старыми игральными картами и письмами. Завернутые в мешковину картины так и стояли у входной двери – видно, хозяева некоторое время размышляли, стоит их брать или нет, но потом приговорили: сочли либо слишком легкомысленными, либо слишком тяжелыми и бросили, как во время бедствия бросают за борт даже самый ценный груз. Но больше всего потрясла Нору и Эммета тишина, царившая в этом чужом доме; тишина целиком завладела ими и преследовала их как во время привычных вечерних занятий, так и после того, как они легли в постель и чуть ли не с яростью занялись любовью, что было для них в общем-то совершенно нехарактерно. А через несколько часов Нора, будучи не в силах уснуть, несмотря на страшную усталость, увидела, что Эммет сел в постели, откинув измятые простыни, потом встал, влез на подоконник и, опасно на нем балансируя, попытался дотянуться до выступа над изголовьем кровати.

– Что это тебе в голову пришло ночью-то?

– Потом увидишь, – сказал Эммет. Он так и не оделся и уже успел чуточку запыхаться, с трудом вытащив из стены какой-то гвоздь и сосредоточенно что-то им царапая на выступающем бревне.

– Что ты там пишешь?

Он удивил ее задорной молодой улыбкой, и глаза его заблистали так же, как десять лет назад.

— «Здесь жили и были счастливы Эммет, Нора и их сыновья», — сказал он.

«А как же Ивлин?» — хотела спросить Нора, ибо голос Ивлин уже звучал у нее в ушах, и дочь негромко спрашивала: «Да! А как же я?» Впрочем, голос ее звучал скорее недоверчиво, чем обиженно, что было вполне естественно для семнадцатилетней девушки — да, именно семнадцатилетней она и должна была бы быть сейчас, именно такой Нора ее себе и представляла. Семнадцать лет, недоверчивая, да и вопросы задает не такие уж и бессмысленные: Как насчет нее? Разве она не жила когда-то с ними вместе? Да и потом разве она не жила в одном доме с ними, продолжая существовать в воображении Норы? Но если Ивлин — настоящий дух, а не просто плод материнского воображения, ибо Нора страшно тосковала по давно умершей дочери, то как скажется на ней их возможная смена места жительства, которую, похоже, сейчас планирует Эммет? Ведь если они уедут, а она останется здесь, то ей будет ужасно, просто невообразимо одиноко.

В последний год мысли об этом особенно часто посещали Нору; они не только терзали ей душу, но и, точно лед зимой, как бы прорастали сквозь обшивку потолка и доски пола. Возможно, если бы она еще тогда, в ту давнюю ночь, все-таки рассказала обо всем Эммету, ничего страшного не случилось бы. Но Эммет пребывал в таком блаженном состоя-

нии, он был так далек от нее и так доволен нацарапанными на бревне каракулями, что Нора не решилась нарушить это блаженство, пронзив его душу вопросами об умершей дочери. Вместо этого она подтянула одеяло к самому подбородку и миролюбиво вздохнула:

– Какими глупостями вы занимаетесь среди ночи, мистер Ларк.

– Никакие это не глупости, а самая что ни на есть красная правда, – возразил он. – И нам, черт побери, следовало бы почаще напоминать об этом себе самим и друг другу.

Это было так на него не похоже – произносить такие глубокомысленные тоскливые сентенции. Ей оставалось одно: слегка его поддразнить и попытаться разрядить обстановку.

– Уверена, что на самом деле ничего вы там не пишете, мистер Ларк.

– Пишу, пишу, можешь не сомневаться.

– А если ты и впрямь что-то там пишешь, так наверняка что-нибудь вроде этого: «Здесь Эммет Ларк вытерпел от своей жены немало всяких глупостей, спаси, Господи, его душу».

– Возьми лучше и посмотри сама, коли мне не веришь. – Она позволила ему помочь ей взобраться на подоконник, но, даже встав на цыпочки, смогла увидеть только нижний край выступающего бревна. Это дало ей возможность продолжать поддразнивать мужа. А потом, особенно если между ними возникала какая-нибудь ссора или же Эммет вдруг исчезал

на несколько дней, как сейчас, ей и самой уже начинало казаться, что он действительно так ничего на том бревне и не написал.

Ничего себе заявление: «Здесь жили и были счастливы Эммет, Нора и их сыновья». Ну, в том, что все они тут жили, сомнений нет. Однако Нора сомневалась, сможет ли кто-то из них, представ перед Судом Божиим, честно заявить, что был счастлив.

За исключением Тоби, разумеется. Чем более мрачным и негостеприимным выглядело место, тем счастливее, казалось, он там себя чувствовал. Вот и сейчас он радостно махал ей рукой, стоя на переднем дворе.

– Мам! – кричал он. – А бабушка-то опять сбежала!

Мать Эммета, миссис Харриет, сидела на веранде, повернувшись лицом к солнцу. Ее инвалидное кресло, которое было старше, чем сама Территория – его одолжил им Док Альменара, но так давно, что, по мнению Норы, им пора было бы уже считаться законными владельцами этой развалины, – едва держалось и выглядело просто чудовищно. Из плетеной спинки во все стороны острыми завитками торчали расщепившиеся стебли тростника, которые с наслаждением пили кровь каждого, кому случалось толкать кресло, и оставляли на пальцах толкавшего глубокие царапины. Огромные ржавые колеса делали допотопное кресло похожим на грязную колесницу, случайно уцелевшую в сражениях фараоновой армии. А сам нынешний «колесничий» – свекрови Но-

ры было лет шестьдесят или, может, чуть больше, и характер у нее был поистине стальной, острый, как у боевого топора, что весьма ощущалось в те годы, когда она еще только перебралась к ним из Канзаса, – был парализован два года назад в результате инсульта. Недуг, не сумевший лишить миссис Харриет аппетита и способности бурно выражать свои антипатии, украл у нее речь, не давая выражать свое недовольство вслух.

Тоби, аккуратно подталкивая кресло, завез старую женщину в кухню, где Джози резала на куски вчерашние кукурузные лепешки, обрызгивала их водой и складывала в кастрюльку, а вокруг царил невероятный бедлам: на плите сгоревшая яичница, в воздухе клубы черного дыма, а из распакнутой настежь духовки тянет нестерпимым жаром. Тесто для хлеба, оставленное подходить с вечера, вылезло из квашни и повисло на краю, точно усталая балерина у станка. Вид этого теста вызвал у Норы приступ паники. Она замесила его вчера в приступе оптимизма, когда ей казалось, что она вот-вот услышит стук знакомых колес на подъездной дорожке, и она заранее прикидывала, на что ей должно хватить оставшейся воды – и вдоволь напиться, и постирать, и, может быть, даже хорошенько вымыться, – теперь налицо были все ее ошибки, которые стоили, по крайней мере, двух лишних кружек воды, тем самым понизив ее уровень почти до самого дна бочонка.

И вот, пожалуйста: еще и семи утра нет, а она уже кричит на Джози.

– Разве я не сказала тебе, что хлеб нужно испечь? – Джози моментально сунула противни с тестом в раскаленную духовку, прихлопнув дверцу ногой. – А сколько раз я тебя просила не оставлять миссис Харриет одну на крыльце? От здешнего солнца запросто умереть можно.

Джози в ужасе посмотрела на нее:

– Я бы никогда ее там не оставила, мэм! Она, должно быть, опять сама потихоньку улизнула.

– Ну что ты мне врешь, черт тебя побери!

– Это правда, мам, она все время сама сбегает, – вмешался Тоби. – Как-то ухитрится удрать, пока на нее никто не смотрит.

– Ложь, Тоби, способна даже в тверди небесной дыры проделать! Чтобы сквозь них даже ангелочки вниз проваливались ко всем чертям!

– Поэтому и говорят: «Черт побери»?

Нора не ответила, глядя на свекровь, чье морщинистое лицо прямо-таки пылало.

– Посмотрите-ка на бабушку, вы оба! У нее же вполне мог случиться солнечный удар!

Джози тут же ринулась вытирать вспотевший лоб старой женщины и робко спросила:

– Можно я дам ей немножко воды?

– По-моему, тебе просто придется немедленно это сделать.

– Вы не должны все время сбегать от меня, миссис Харри-

ет, – строго приговаривала Джози, с тревогой глядя на старуху. – У меня из-за вас одни неприятности.

Она весьма экономно зачерпнула кружкой воды из бачка, совсем ненамного уменьшив ее количество – там все еще оставалось достаточно, даже дно было прикрыто, и точно хватило бы на пару кружек, чтобы всем напиться, даже, может быть, самой Норе.

– Сколько воды у нас в холодном сарае?³ – спросила Нора.

– Откуда ж мне знать, мэм.

– Что ж, пока не выяснишь, больше воды бабушке не давай.

Джози принялась поспешно натягивать свою шляпу. На лице у нее было написано: «Ой, я так виновата, мэм!» – и подобное выражение у нее появлялось даже слишком часто, поскольку она совершала поистине невероятное количество всевозможных ошибок и прегрешений, чтобы чувствовать себя виноватой. У Джози были такие же ореховые глаза и широкий лоб, как у Эммета и у всех их шотландских родичей, разбросанных по всему свету. Ее щеки и шея были усыпаны светлыми веснушками, которые приобретали ярко-розовый оттенок, стоило ей полсекунды побыть на солнце. На переносице у нее уже образовался смешной пучок из трех морщинок – она так морщила лоб каждый раз, когда ее руга-

---

³ Такие сараи в южных засушливых районах Америки обычно строят над родником или ручьем, чтобы в жару сохранять свежими мясные и другие скоропортящиеся продукты.

ли или заставляли делать что-то неприятное, – и Нора порой даже корила себя за то, что из-за нее у девчонки появились эти морщинки, следы душевных переживаний. Они вполне могли теперь остаться у нее навсегда, хотя все же бывали периоды, когда у Норы не возникало причин для выговоров, а у Джози – для обид.

Девушка вышла в коридор и, проходя мимо Тоби, ласково провела рукой по еле заметному ершику его отрастающих волос. Мальчик перехватил ее руку и выпалил свистящим шепотом, думая, что его больше никто не слышит:

– А мама сказала, что никакой это не след дьявола! Она говорит, что это вообще на след копыта не похоже!

Джози наклонилась к нему ближе, и на спине у нее проступили лесенкой темные полосы – редкий признак того, что Джози, как и все простые смертные, способна вспотеть. Что ж, и ее, в конце концов, женщина родила.

– А на что это, по-твоему, похоже? – спросила она, тоже считая, что говорит шепотом, и уверенная, что Нора не видит, как она слегка пожала плечами, услышав заявление Тоби, не видит и того, что ее волосы касаются короткой щетинки отрастающих волос мальчика. Тоби уверенно сказал:

– По-моему, это точно следы.

– Значит, так оно и есть. Ведь сердцем мы видим зачастую куда лучше и правдивей, чем глазами.

Высказав столь глубокую философскую мысль, Джози двинулась к двери. Глядя на ее дурацкую шляпу, украшен-

ную пухлыми подсолнухами из джута, Нора испытывала сильное искушение сбить ее на землю – особенно когда шляпа, чуть подсакивая, проплывала прямо под окном кухни. Можно было бы, конечно, «нечаянно» приоткрыть ставню, но от этого и сама хозяйка шляпы могла запросто рухнуть на землю, и тогда весь день пошел бы насмарку: смущение, слезы, упреки, вода, зря потраченная на умывание Джози, и время, зря потраченное на вызов врача и заклеивание этого бледного лба. А ведь не далее чем вчера вечером они все это уже имели по полной программе.

Мысли Норы вернулись к запасам воды. Итак, в доме оставалось две или, может, две с половиной кружки воды. Если в городе удастся раздобыть хотя бы один бурдюк, а потом еще вскипятить сколько-то воды из бочки со стоялой дождевой водой, то бочонок на кухне удастся наполнить почти наполовину. А им доводилось иной раз и на меньшем количестве целый день прожить. Значит, пока что терпеть жажду придется только ей самой – а это куда легче осуществить, когда не видишь, как пьют другие.

Вскоре, например, неизбежно заявится мрачный Тоби: «Мам, я пить хочу».

– Водички дать?

– Нет, не надо. Я же знаю, как ужасно ты беспокоишься, что ее мало.

– Там еще немножко кофе осталось, хочешь?

Тоби поморщился: «Он же позавчерашний!» – но все-та-

ки встал на цыпочки и заглянул в кофейник.

– Послушай, Тоб, мы с тобой насчет этих следов договорились или нет?

– Да, мам.

– Тоби.

– А вот папа мне бы поверил!

Да, никаких сомнений, подумала Нора и спросила:

– Так почему бы тебе не показать папе эти следы, когда он вернется?

– Долан говорит, что папа вообще больше не вернется.

Тоби захлопнул крышку кофейника и принялся выбирать два куска кукурузной лепешки помягче – один для себя, второй для бабушки. Если утром после внезапного исчезновения сыновей у Норы еще было намерение простить их, то теперь от подобных желаний не осталось и следа. Сколько же можно просить, увещевать и предостерегать, сердито думала она, чтобы эти несносные дурни поняли, что в присутствии Тоби ни в коем случае нельзя вести неосторожных разговоров. От него никогда ничего не ускользает. Он всегда ко всему прислушивается и вечно что-то обдумывает про себя – особенно в такие моменты, когда всем кажется, будто он ничем не занят. Тоби – очень впечатлительный и восприимчивый ребенок, внушала она старшим детям, стараясь выражаться максимально дипломатично – да, именно восприимчивый, более восприимчивый, чем любой из них: чем папа, чем Джози, чем она сама, Нора, и даже чем Долан, который,

по его же собственной оценке, был образцом восприимчивости и без смущения говорил, что он столь же восприимчив, как греческие поэты, то есть способен воспринимать все вокруг и с удовольствием об этом рассказывать. Что ж, вот он, результат их вечной недооценки восприимчивости младшего братишки: Тоби вчера подслушал их ссору, и это не просто его напугало, но и, естественно, пробудило в его душе все другие страхи насчет отпечатков раздвоенного копыта и прочей дьявольщины, о которой, видимо, как раз и говорилось.

– Миссис Ларк! – Нора была настолько погружена в путаницу собственных мыслей, что и не заметила, как под окном пронеслась жуткая шляпка Джози, а через мгновение на пороге появилась и она сама, насмерть перепуганная. – Миссис Ларк! Там в наш холодный сарай кто-то забрался!

* * *

– Оно там. – Джози потянула ее за руку. – Видите?

Холодный сарай торчал, словно присев на корточки в зарослях низкорослых дубков, на дальнем краю двора, но сквозь густые ветки ничего разглядеть было невозможно, лишь слабо поблескивала в солнечных лучах, пробившихся сквозь листву, жестяная крыша. Щелястая дверь была чуть приоткрыта и хлябала на ржавых петлях, слабо постукивая о косяк.

– Что там такое?

– Я не знаю, мэм. Оно дверь изнутри чем-то подперло.

– Но это человек или... – Нора все-таки в последнюю секунду решила сменить направление, – животное?

Но было уже слишком поздно.

– Это чудовище, – обреченно промолвил Тоби и затих в объятиях Джози. Сейчас он больше походил на маленького мальчика из дешевой десятицентовой книжки сказок, чем на настоящего ребенка, и от этого с недавнее Нору беспокойство вылилось в приступ раздражения.

– Если вас обоих послушать, – сказала она, – так мы, пожалуй, живем где-нибудь на луне Гершеля⁴.

Нора вернулась в дом, взяла стоявшее за кухонной дверью ружье и решительно направилась через двор к сараю. Солнце слепило ей глаза. По ребрам из подмышек ползли две противные щекочущие струйки пота, и она отчетливо чувствовала его запах, а заодно и запах своей одежды, без нужды напоминавший, как давно все у них в доме требовало стирки.

Холодный сарай являл собой самый безнадежный их опыт строительства и был воздвигнут в самые первые годы посе-

---

⁴ Сэр Фридрих Уильям Гершель, 1738–1822, английский астроном, основоположник звездной астрономии; с помощью брата и сестры построил самый большой для своего времени телескоп; открыл и составил каталог туманностей, звездных скоплений и двойных звезд; построил первую модель Галактики, установил движение Солнечной системы и указал его направление; открыл Уран, его спутники и спутники Сатурна. Его сын, сэр Джон Фредерик Уильям Гершель, 1792–1871, также знаменитый астроном, был одним из пионеров астрофотометрии.

ления: это был сложенный из саманного кирпича полукупол, который пережил череду сменявших друг друга протекающих и проваливающихся крыш, прежде чем Эммет остановился на нынешней жестяной кровле, которая, пожалуй, полностью убила первоначальное предназначение самого сарая. Его дверь, которая стала хорошо видна Норе, когда она обогнула край огорода, действительно была приоткрыта и чем-то подперта изнутри. Она никак не могла толком разглядеть, что там такое торчит в щели; с того места, где она стояла, это больше всего напоминало солдатский ботинок.

– Эй! Кто это там? – Она щелкнула курком. – Выходите медленно и по одному, я держу вас на мушке.

Это, конечно, какой-то мужчина. Так вторгаться в чужие владения способны только они. Женщины – даже индейские – вполне могут и к парадному входу подойти. А этих головорезов даже привлечь к суду за нарушение закона не удалось, их вообще трудно было застичь врасплох; они то ночевали в амбаре на чердаке, то, набрав в курятнике полные руки яиц, исчезали в лесу, а однажды даже пытались изнасиловать одну из Нориных овец. И каждый раз она изо всех сил старалась придать своему голосу должную твердость и, крепко держа в руках ружье, целиться точно в нарушителя, но при этом все время думала о том, как ужасно боится этих проходимцев, куда сильнее, чем они ее, – это стало для нее вопиющей истиной, когда Роб однажды наткнулся на одного такого бродягу, крошечного человечка с такими грязны-

ми усами, что они казались почти зелеными. Этот тип вынырнул прямо на них из разоренного курятника и стоял, в упор глядя на Нору – сердито и с каким-то безразличием, – а потом бросился на нее, словно ружье, из которого она целилась ему прямо в грудь, было всего лишь пучком цветов. Но тут откуда-то у нее из-за спины с дикими воплями вылетел разъяренный Роб, и как же этот жалкий ублюдок бросился от него улепетывать! Нора никогда бы не поверила, что такой миниатюрный мужчинка способен совершать поистине гигантские прыжки.

Увы, сейчас все было иначе. Роба рядом с ней не было. Он явно находился где-то в городе. И уж точно не появился бы, как тогда, внезапно и очень кстати, чтобы избавить ее от схватки с очередным сукиным сыном. Сейчас в ее распоряжении имелись только собственные силы и это ружье – Господи, хорошо бы оно хоть разряжено не оказалось, она уже и не помнила, когда в последний раз его проверяла, – а по ту сторону затаился неведомый враг, хозяин ботинка, которым была подперта дверь холодного сарая.

Нора предприняла еще одну попытку договориться мирно:

– У нас тут и украсть-то нечего. Но, если хотите, я могу вас накормить, когда вы оттуда выйдете.

Десма просто со смеху бы умерла, если б ее сейчас услышала. Городская легенда гласила, что однажды некий «плохой парень», ужасающе грязный и гонимый полуденной жарой,

забрел к Десме в дом и застал ее за стиркой белья. Был этот наглец худ, как распоследняя шавка, двигался как на шарнирах и в целом выглядел так, словно все те беды, что обрушились на него в пустыне, были кошмарным плодом его собственных деяний. В общем, он упал перед Десмой на колени, умоляя о глотке воды, но она сказала: «Потерпи немного – разве не видишь, я занята? Подожди еще пару минуток, мистер, а уж потом я, черт возьми, и тобой займусь». И она продолжала лупить мокрыми простынями по стиральной доске, а тот бродяга вдруг обмяк, рухнул на пол и умер. «У меня и в мыслях не было его убивать, – сказала Десма после случившегося, – только воды у меня оставалось самая малость, и мне просто необходимо было закончить стирку, а на такого типа, как этот, честно говоря, и плевок-то потратить было жалко».

Однако никакие посулы не вызвали у загадочного существа, притаившегося в сарае, желания отодвинуться от двери. Так прошло несколько томительных минут. Нора, прикрывая глаза рукой, быстро оглянулась. Джози и Тоби по-прежнему стояли в тени на крыльце дома, и Джози по-прежнему сжимала мальчика в удушающих объятиях.

Значит, ей самой оставалось только идти вперед. Она сделала несколько осторожных шагов и сумела разглядеть непонятный предмет, которым была подперта дверь сарая: оказалось, что это вовсе не сапог и не ботинок, а что-то вроде кожаной подпруги, до предела изношенной, но вполне зна-

комой; сейчас она немного сдвинулась, и пряжка ярко блеснула в лучах солнца. Нора подошла еще ближе и, набравшись смелости, толкнула дверь ногой. Дверь легко поддалась, и на земляной пол сарая упал яркий треугольник солнечного света. Нора огляделась. Внутри царил беспорядок, с первого взгляда ничем не примечательный: на крюках медленно и непрерывно вращались копченые колбасы, полки у задней стены были плотно уставлены банками с консервами, а множество странных, нервно движущихся точек при ближайшем рассмотрении превратилось в полчища мух. На какое-то мгновение Норе даже показалось, что все в порядке и все на месте. Но тут на нее дохнуло кислым запахом виски и мерзким сладковатым запахом разложения, и она наконец разглядела, какой ущерб был нанесен ее хозяйству в ночи: ближайший к двери стеллаж был полностью разрушен, и все стоявшие на нем бутылки, кувшины и банки превратились в груды осколков.

Глаза Норы сразу метнулись в сторону бочки с дождевой водой и не сразу сумели ее отыскать в этом бедламе; потом она разглядела валявшуюся на полу крышку от бочки и поняла, что и сама бочка, должно быть, где-то рядом.

Рядом с бочкой лежал иссохший трупик маленькой птички.

Вода, мама, – сказала Ивлин. – Вода исчезла.

Те двое на крыльце никак не ожидали, что Нора вихрем вылетит из холодного сарая, и все же застать их врасплох она не успела: они тут же бросились в разные стороны. Впрочем, она оказалась проворней и успела-таки поймать Тоби за подол рубашки. Он вырвался и попытался удрать, но она строго сказала:

– Поди сюда.

– Я не могу, мам, я ничего не вижу. – Тоби и впрямь двигался ощупью, укоризненно поглядывая на мать здоровым глазом. Его больной глаз трепетал, как пойманная бабочка. Пожалуй, раньше он никогда так не дергался, когда Нора отчитывала сына за очередные проделки или нарушение домашних правил.

– Засов на двери сарая задвинут не был. Разве не ты должен был вчера вечером запереть сарай?

Тоби покачал головой:

– Нет, Джози.

Однако Джози-то как раз успела ускользнуть от Норы и теперь была вне досягаемости.

– Я задвинула засов, мэм! – крикнула она из самого дальнего угла двора. – Точно помню, что задвинула!

Ну, конечно, ведь это Джози вчера вечером послали в сарай за виски после того внезапного скандала, который учи-

нил за ужином Долан. Он вел себя на редкость странно и возмутительно, но никакого скандала, наверное, не произошло бы, если б только он перестал изводить Нору бесконечными вопросами об отце; если б наконец перестал ныть из-за того, что отец так долго не возвращается; если бы перестал упрекать ее в том, что она куда больше сердится и нервничает из-за нехватки воды, чем из-за опасных слухов о папе, этих парнях из семейства Санчес и повозке с неким весьма подозрительным грузом – в общем, он снова и снова пересказывал ей всю эту осточертевшую чушь, все эти жареные-пережаренные «новости», а потом и вовсе стал на нее орать, обзывая слепой и безрассудной. «Ты, я вижу, несколько новых слов выучил», – бросила Нора в ответ, и на мгновение ей показалось, что она одержала над сыном победу. Однако Долан, секунду помолчав, повторил, глядя прямо на нее: «Слепая и безрассудная», – и так грохнул кулаком по двери, что пробил ее насквозь. Это было так нелепо, что она бы рассмеялась, если бы уже не смеялась до этого. А потом оказалось, что костяшки у него сбиты до кости, и весь дом оказался глубоко погружен в сумерки его ярости. Сперва Нора даже подумала: а не оставить ли Долана без помощи – пусть корчится от боли и бессильного гнева; это послужило бы предупреждением для всех остальных; пусть поймут, что нечего буйствовать без повода. Но затем жалость и сочувствие к Долану взяли верх. Ведь, в конце концов, это ее мальчик. И его самого, пожалуй, столь неожиданный взрыв эмоций

потряс куда больше, чем прочих членов семьи. Он уже выглядел страшно смущенным, да и кровотечение из разбитых пальцев оказалось довольно-таки сильным. В общем, Джози была послана за виски, и остаток вечера они провели мирно, при свечах дезинфицируя и зашивая раны.

Возможно, думала Нора, Джози, путаясь в собственных сбивчивых объяснениях, сошлется на вчерашнее происшествие. Но нет. Джози стояла на своем. Она заперла дверь, и пусть мэм не думает, что прошлогодняя встреча со случайно забежавшим к ним медведем ничему ее не научила; с тех пор она стала особенно бдительно следить за тем, чтобы все двери были накрепко заперты, а окна закрыты на задвижку. И Нора была вынуждена признать, что девушка и впрямь стала в этом отношении весьма аккуратной. А Джози все твердила, что помнит даже, как прикасалась к этому проклятому засову. Да-да, она отлично это помнила и в доказательство даже потрясла в безжизненном воздухе холодного сарая стиснутым кулачком, словно сжимая в нем доказательства того, что вины на ней нет.

Нора слегка подтолкнула ее к опустевшей бочке для дождевой воды.

- Куда же в таком случае могла подеваться вся наша вода?
- Господи помилуй, миссис Ларк!
- Да уж, теперь нам Его милость понадобится больше, чем когда-либо, поскольку без нее, похоже, никак не обойтись.

Нора так ясно могла себе представить следующую карти-

ну: дверь сарая, скрипя петлями, оставалась открытой всю ночь, искушая собак, которые вечно слонялись там, вынюхивая и выслеживая, и они в итоге проникли в сарай, а потом и до воды в бочке добрались – так поступило бы и любое другое существо во время этой проклятой засухи, – вылакали ее и разбежались кто куда, понимая, что вскоре их неизбежно настигнет возмездие со стороны хозяев.

– Черт побери, Джози! Ты посмотри, что тут творится!

– Я точно заперла эту дверь, мэм!

– Не лги!

– Я ее заперла, мэм! Точно заперла!

– Тогда объясни мне вот что: как это собаки сумели отодвинуть засов на двери? Они что, как в цирке, друг другу на спину вскакивали? Или, может, это я, как лунатик, встала ночью, открыла дверь в сарай и снова спать легла?

– Не знаю я, мэм, правда, не знаю.

– Или, может, это твой «заблудившийся человек» ее открытой оставил тебе назло?

И Нора сразу почувствовала – еще до того, как эти слова сорвались у нее с языка, – как жестоко напоминать Джози об этом привидении, да еще и, возможно, вызывать его к жизни. Но было уже поздно. И ей пришлось смотреть, как на лице Джози возникает и застывает гримаса горя.

– Прошу прощения, мэм... только неправильно это – над такими вещами смеяться, да еще и других людей пугать.

Повисло длительное и весьма неловкое молчание. Потом

Нора сказала:

– И все-таки, Джози, Провидение тут ни при чем. Весьма непредусмотрительно было оставить эту дверь незапертой.

Тоби все еще сидел на корточках над мертвой птицей – похоже, пустельгой или еще каким-то мелким пернатым хищником, – склонившись так низко, что, казалось, вот-вот коснется носом ее высохшей и ставшей совсем плоской головки.

– Да оставь ты наконец эту гадость! – крикнула Нора.

– Мам, а что, если это знамение?

– И, разумеется, свидетельствующее о том, что будущее не сулит нам ничего хорошего! – совсем рассердилась Нора и почувствовала, как в волосах у нее, чуть повыше ямки под затылком, что-то зашевелилось и захрустело. Она с такой силой там почесала, так что под ногтями у нее осталась кровь. – Джози, ты хоть понимаешь, что это был наш последний запас воды?

Похоже, наконец-то Джози осознала всю серьезность создавшейся ситуации. По ней всегда было видно, когда у нее наступает момент откровения; она схватилась обеими руками за голову и воскликнула:

– Господь всемогущий! Миссис Ларк... вода!.. Ох, жалко-то как!

Теперь Джози, как всегда, начала каяться, и они заключили очередное вымученное перемирие, однако Нора девушку почти не слушала. Она предавалась мрачным размышлени-

ям о почти пустом кухонном бачке. А потом вдруг как бы всем нутром почувствовала, какое удовольствие ее мать, Эллен Франсис Фольк, испытывала, наказывая – и всегда по делу – своих служанок. Раньше для Норы оставалось тайной, почему это мать становилась такой тихой и умиротворенной, после того как, швырнув очередную служанку через колено, сладострастно ее выпорот. Но сейчас она отлично ее понимала; понимала, что тот бешеный гнев – мучительная, лишающая способности нормально дышать и больно кусающая душу штука, свойственная всем женщинам в роду Рейли, а значит, доставшаяся и ее матери, и ей самой, – должно быть, отпускал Эллен Фольк, только когда голая задница девушки приобретала кровавый оттенок. Нора вполне могла представить себя охваченной подобным приступом ярости. Но она слишком хорошо помнила, каково быть свидетельницей такого наказания, помнила, как мучительно дергалось и кривилось ее собственное лицо, постепенно превращаясь в маску истерического ужаса, смешанного с восхищением, как она смеялась и плакала одновременно – от ужаса перед исполняющей наказание и от сочувствия к наказуемой. Ничего подобного здесь произойти, конечно же, не могло – нет, только не в присутствии Тоби, который стоял рядом и делал вид, будто по-прежнему внимательно изучает нечто, лежащее на земле, а на самом деле прислушивался к каждому слову – обвинениям матери и протестам Джози, которые, слава богу, постепенно стихали, поскольку Джози, похоже, окончательно

но запуталась в своих оправданиях.

– Я ведь что хочу сказать, мэм, я же просто представить себе не могу, как я могла оставить ее открытой! Я же помню, как собственными руками этот засов задвигала. Правда, помню. Но... если я действительно что-то не так сделала, мэм, если так уж получилось, то мне ужасно жаль. И вы, наверное, правы: надо было мне пойти и проверить, только я об этом не подумала. А если бы даже и подумала... ну... в общем, сомневаюсь, мэм, что вы бы мне это позволили.

Позволила, не позволила? Нора не поняла.

– Да с чего мне было не позволить-то?

– Так ведь... уже совсем темно было.

– И что? – Нора оглянулась. До дома отсюда было самое большее ярдов тридцать. Вряд ли больше, чем ширина Панамского перешейка⁵. Обернулась она как раз вовремя, чтобы успеть заметить, как ее младший сын и эта находящаяся под опекой их семьи девица обмениваются виноватыми взглядами, которые, впрочем, тут же и растаяли, как хвост кометы. – Так почему все-таки я бы тебе не позволила, Джози?

– Ну, это же ясно, мэм, – сказала Джози. – Из-за чудовища, конечно!

---

⁵ Наименьшая ширина этого перешейка, соединяющего Северную и Южную Америку, 48 км.

Добравшись до конца подъездной дорожки, Нора поймала себя на том, что все время поворачивается направо и смотрит на совершенно пустынную дорогу. Это была одна из ее старых привычек, так некстати ожившая сейчас и появившаяся еще в те времена, когда внезапное бегство Флоресов превратило ферму Ларков в самое последнее из обитаемых мест на здешнем севере. Дальше на много миль никакого жилья не было. Это была как бы последняя точка на карте, а дальше только пустое поле. Нора пришпорила старого Билла и повернула налево, в сторону города. Дорога пролежала по дну каньона, и, поскольку уже близилась осень, узкая долина являла собой поистине великолепную сцену собственной смерти. Желтые следы взрывов, устроенных старателями, выглядели как сигнальные костры, отмечая исчезнувшие или уничтоженные ручейки, и только хлопковые деревья еще как-то ухитрялись раздобыть воду в этих местах.

Тоби торжественно поклялся матери, что к ее возвращению холодный сарай будет полностью приведен в порядок, и на этом Нора решила пока поставить точку. Хватит с нее наказаний – пусть в дальнейшем подобными делами занимается Эммет, который умеет с должной справедливостью распределить сокрушительный удар собственного недовольства. А она, Нора, предпочтет остаться в стороне. Она и так

уже зашла слишком далеко, то и дело шпыняя Джози и стараясь уколоть ее намеками на того «заблудившегося человека» — хотя, разумеется, она ни теперь, ни потом ни за что не допустит, чтобы ее заставили просить у Джози прощения, что бы там ее сыновья по этому поводу ни думали. «Заблудившийся человек» был последним из тех привидений, что время от времени являлись впечатлительной Джози, и самым надоедливым. По словам Джози, он явился ей несколько недель назад на вершине холма в виде некоего пустотелого облака красного цвета, которое затем сомкнулось вокруг нее, не позволив собрать последние в этом сезоне сосновые шишки. «Я тогда сразу домой припустила, — громким дрожащим голосом рассказывала она всем на кухне, — да только ведь он за мной последовал».

Долан, всегда готовый поверить каждому слову Джози, вскочил и с грозным видом выглянул за дверь.

— Он хотел что-то плохое с тобой сделать? — спросил он.

Джози с поникшим видом вжалась в спинку стула и потянулась за чашкой воды, чересчур щедро — что совершенно не требовалось! — наполненной Робом.

— Нет, — сказала она. — Но он наполнил мою душу такой печалью... и совсем не представлял, где сейчас находится.

В результате бесконечного и совершенно бессмысленного допроса, на который ушло добрых полдня, выяснилось, что Джози не имеет ни малейшего понятия ни о внешнем виде «заблудившегося», ни о его намерениях, ни о причине его

смерти. Она знала только, что он не навсегда ушел из этой жизни. Она целыми днями только о нем и говорила, ожидая его возвращения, и мало что способно было отвлечь ее от этих мыслей, так что, естественно, она совсем не удивилась, когда, занимаясь расчисткой верхнего конца фермы от змеиных гнезд, почувствовала, что он снова рядом с ней. Мачете, которым она орудовала, полетел куда-то в колючие заросли, да и сама Джози рухнула ничком, спеша установить контакт с «заблудившимся». Насколько Нора успела понять – а она и сама раза два была свидетельницей того, как во время очередной вечеринки подвыпившие гости подбивали Джози выйти на край той великой пропасти, что отделяет мир живых от мира мертвых, – для установления подобного спиритического контакта требовалось очень много монотонного пения, бормотания и невнятных восклицаний. А еще требовалось держаться за руки, и вот это-то и было наиболее уязвимым местом в эмоциональных рассказах Джози, вызывая у Норы большие сомнения в их правдивости, ибо за чью руку Джози держалась, находясь в полном одиночестве?

– Возможно, ты рассчитываешь, что, если мы все выйдем туда с тобой вместе, – сказала Нора, – и, взявшись за руки, станем в круг и простоим так все утро и весь день, ты все же сумеешь убедить его как-то проявить свои желания.

Ответом ей послужили возмущенные, исполненные гнева взгляды каждого из присутствующих мужчин, и Нора решила оставить все дальнейшие насмешки при себе. Впрочем, и

«заблудившийся человек» больше с тех пор не появлялся.

– Я не сомневаюсь, что он незамедлительно появится, как только Джози будет поручено более трудоемкое задание, чем шитье, – примерно недель позже сказала Нора, ложась спать.

Эммет покачал головой:

– Вот ведь что меня удивляет: ты сама так увлекаешься этим водным колдовством, которым занимается Рей Руис, а нашу бедную Джози презираешь и всячески третируешь.

Сравнение, с точки зрения Норы, было абсолютно нелепым. Рей Руис создал целую систему предсказаний, связанных с водой. Это была настоящая наука! Хотя, возможно, его «научные приборы» и были довольно примитивны – но, если не считать ивовых прутьев, с помощью которых он находил источники воды, его предсказания зачастую оказывались куда надежней кучевых облаков, собиравшихся на горизонте и суливших дождь. Поистине бесчисленное множество здешних жителей были буквально жизнью обязаны умению Рея понимать те знаки, которые подавала ему вода.

Тогда как Джози, по мнению Норы, была прирожденной трюкачкой и обманщицей. Она родилась в семье кузины Эммета, Марты, и преподобного отца Кинкейда, обладавшего незаурядным талантом гипнотизера. Впоследствии у Кинкейда было еще пять жен, и Джози с детства привыкла каждую из них называть «мама». Насколько Нора сумела понять, Джози так и осталась единственным ребенком в этой весьма

сомнительной семейке, а также оказалась единственной наследницей тех дарованных небом талантов, которыми обладал ее отец, преподобный Кинкейд, он вместе с сообщниками, весьма загадочными темными личностями, успешно вымогал деньги у разных простофиль, приглашая их по вечерам в свой темный «салон» на Мотт-стрит. Однако ни спиритические сеансы, ни гадание по картам Таро, ни различные откровения не сумели предсказать внезапную вспышку тифа, которая в течение нескольких дней погубила всех родственников Джози одного за другим. Девочке тогда было всего тринадцать, и она осталась совершенно одна. В наследство ей достались ветхий таунхаус и такое множество связанных с ним долгов, что она даже нос наружу высунуть боялась. Несколько голодных лет она жила за счет того, что по переписке занималась гаданием и толкованием различных загадочных проблем; в результате – тоже по переписке – она познакомилась с неким мистером Джорджем А. Хэмиллом из Сан-Франциско. Дружеские письма вскоре привели к обручению. Однако жених, будучи истинным джентльменом, настаивал, чтобы их брачный союз был скреплен в присутствии достойных людей из клуба «Сердце и рука», принадлежавшего некой мисс Клавер; этот клуб, в частности, занимался тем, что устраивал браки невест из атлантических штатов с достойными мужчинами с Запада. В итоге необходимые приготовления к свадьбе стоили Джози и дома, и всех ее жалких сбережений – деньги потом, разумеется, исчезли вместе

с мисс Клавер, достойными свидетелями из клуба «Сердце и рука» и самим мистером Джорджем А. Хэмиллом, – но Джозе, ни о чем не подозревая, ехала в поезде и сочиняла стихи, вдохновленная пейзажами на берегах реки Шайенн.

Все эти факты были изложены в длинном письме, написанном Ленор, родной сестрой Эммета, которое и было передано Ларкам в тот день, когда Эммет встретил Джозе на железнодорожной станции в Прескотте и привез к ним на ферму. Сама Ленор, сперва взявшая девушку к себе, занималась скотоводством и растила восьмерых собственных детей на реке Паудер в Вайоминге, однако ее терпение в отношении Джозе вскоре полностью иссякло, хотя девушка и была, по ее словам, «нежной душой». Тем более муж Ленор, евангелический проповедник, считал недопустимым проживание с ним под одной крышей человека, который общается с духами. Затем за одну пагубную зиму у них пало более половины скота, что он счел явным предостережением Всевышнего и потребовал, чтобы Джозе непременно перебралась от них куда-то еще.

Прочитав шесть измятых страниц письма Ленор, написанного чудовищным почерком, Нора подняла глаза и увидела, что Эммет смотрит на нее умоляюще и самым жалким образом улыбается. Затем, побарабанив пальцами по шляпе, он шепотом заметил:

– Нам бы тут очень пригодилась еще одна пара рук. И потом... в общем, мне показалось, что тебе, возможно, было

бы приятно, если бы в доме появилась девочка.

– У вас в доме и так есть девочка! – услышала Нора сердитый голосок Ивлин.

Словно придавленная к земле своей нелепой шляпой и ковровым саквояжем и ставшая похожей на гнома, Джози Кинкейд возникла у них в прихожей, точно видение из какого-то печального сна. На ее добродетельном веснушчатом личике было немного странное выражение, одновременно и встревоженное, и удовлетворенное.

От одного этого душу Норы охватил необъяснимый ужас. Но, поскольку она молчала, Эммет решил, что это молчание – уже знак согласия, и привел еще один аргумент:

– По крайней мере, мы избавим ее от публичного дома. Ведь она, несомненно, именно туда и угодила бы, если бы добралась до Сан-Франциско.

– Ты всегда питал слабость к пропащим, – только и сказала Нора.

Дурные свойства Джози проявились почти сразу. Хоть она и провела полгода у Ленор в Вайоминге, оказалась весьма мало приспособлена к тяжелой деревенской жизни. У нее был невероятно чуткий сон, ела она очень мало и весьма часто падала в обмороки. Даже самые обычные орудия труда, используемые на ферме, ставили ее в тупик. Она, например, вполне могла попытаться забить гвоздь не тупым, а острым концом молотка. Кроме того, в ней сидело упрямое сопротивление всяческому убийству; даже угодивших в мышеч-

ловку мышей она относила вечером в поле и выпускала, в чем ей помогал Долан, который с самого начала положил на нее глаз, решив, что это любовь, predetermined свыше, и вскоре стал не только самым знающим мышеловом, но и доброжелательным освободителем плененных мышей. А неколебимая уверенность Джози в том, что птицы обладают способностями оракулов, моментально расположила к ней Тоби, который стал ходить за ней по пятам и воспринимал ее как волшебную фею, сошедшую со страниц книги сказок. В голове у Джози кипела путаница всевозможных знаний – рецепты целебных отваров и настоек, восточная магия, оккультизм, нелепые легенды, выдаваемые за факты естественных наук (особенно это касалось детальных описаний чудовищных ящеров, появившихся на свет божий благодаря иллюстраторам фантастических книг Коупу и Маршу), – и все эти знания она вываливала любому слушателю, делая хозяйственные поездки в Амарго поистине невыносимыми.

Однако девушка оказалась не такой уж и бесполезной. В-первых, она беседовала с бабушкой. Но не так, как обычно разговаривают с инвалидом – то есть, как за свою уже довольно-таки долгую жизнь успела убедиться Нора, примерно как с собакой, – нет, она именно вела со старой женщиной долгие беседы, используя соответствующий синтаксис и паузы, позволявшие бабушке обдумать некий ответ. Осторожно заглянув за угол, можно было частенько обнаружить на кухне Джози и бабушку, которые, точно два сфинкса, внима-

тельно смотрели друг другу в глаза и явно вели некую бессловесную беседу, после которой Джози могла, например, сообщить: «Миссис Харриет сказала, что ей не нравится, как в этом году огород выглядит. Она говорит, в этом мире выпадает слишком мало дождей, чтоб капуста выжить смогла». И сколько бы Нора ни раздражалась, она не могла отрицать того, что старая дама в своем инвалидном кресле стала выглядеть более живой. Принимающей участие в общей жизни. И это было безусловным достижением Джози; ее благотворное влияние явно заставляло старушку работать мозгами.

Впрочем, тут надо было учитывать и возраст бабушки, и Нора всерьез начала подозревать, что достигнутые успехи как-то связаны со вторым, главным, хотя и весьма сомнительным умением Джози: умением общаться с мертвыми.

Мертвые, которых Джози называла «другие люди», встречались ей, очевидно, повсюду. Они могли заявить о себе в городе, на дороге, в церкви. Свои чувства они открывали Джози внезапно, и порой это было для нее почти невыносимо. Она, например, могла спокойно ехать рядом с кем-то из членов семьи, вполне довольная собой, и вдруг становилась совершенно несчастной, подавленной и, согнувшись пополам, точно от боли, шептала: «Я чувствую рядом с собой ужасно одинокую девушку». И после этого тот, кому выпало несчастье ехать с ней вместе, был обязан остановиться и порой часами ждать, пока Джози проявляет свое искреннее сочувствие этой неведомой неприкаянной душе.

Эта избыточная эксцентричность поведения Джози усугублялась еще и тем, что, как оказалось, количество живых людей, жаждущих общения с мертвыми, значительно превосходит количество последних. Весть о том, что в доме Ларков поселилась ясновидящая, способная разговаривать с мертвыми, бурной волной пронеслась по городу почти сразу после прибытия девушки. Вызывая гнев Норы, визитеры стали появляться у них на крыльце с пирогами, нежными пудингами и прочими соседскими подношениями. Они торчали во дворе часами, робко упрашивая хозяйку дома проявить такую несказанную любезность и попросить Джози «вызвать дух» чьего-то брата, матери или давно умершего друга.

– Только не у меня в доме, – раз и навсегда отрезала Нора.

Эммет оказался уступчивей. Во-первых, он по природе был любопытен. А во-вторых, решительно хотел видеть Джози «в ее родной стихии».

– Хозяин гостиницы «Палома-хаус» предложил провести сеанс у него, – сообщил он Норе.

– Господи, что это Моссу Райли в голову взбрело? Зачем ему-то подобными глупостями заниматься?

– По-моему, он горит желанием сказать пару слов своему родственнику, который умер раньше, чем Мосс успел ему долг отдать. А уж Мосс, Господь тому свидетель, очень своим бизнесом дорожит.

– Вот уж не уверена, что, собирая у себя в доме толпы

воображаемых призраков, он сумеет вернуть в Амарго толпы приезжих, которые тут же в его гостиницу ринутся.

Однако Мосс Райли поступил именно так: собрал у себя в доме толпы воображаемых призраков сначала в апреле, а потом и еще раз, в июне. И вскоре после этого Эммет обнаружил, что раз в две недели по четвергам ему приходится сопровождать Джози в город для проведения очередного спиритического сеанса. Он обычно садился где-нибудь у стены и смотрел, как гаснет свет в зале, как на окнах опускают шторы, а за столом в центре собираются при тусклом свете свечей самые видные люди Эш-Ривер, одетые по случаю общения с духами во все самое лучшее; там можно было увидеть и новую жену нового мэра, и директора школы, и даже дочь одного из воротил местного акционерного общества. Все они специально приезжали в Амарго и нервно кружили по коридорам поскрипывающей от старости гостиницы «Палома-хаус», надеясь заключить мир с мертвыми и обрести душевный покой. Один за другим они вываливали Джози свои печали и сожаления. Жена мэра в детстве потеряла сестру и теперь страстно мечтала ей объяснить, что не нарочно совершала все те маленькие ежедневные жестокости, какие сестрам так свойственно совершать по отношению друг к другу; она была уверена, что теперь ей всю жизнь придется искупать свою вину перед умершей сестрой. Джек Тернер хотел переговорить с одним своим соотечественни-

ком, погибшим в битве при Геттисберге⁶, и признаться ему, что он так и не сумел, несмотря на данное обещание, передать его дневники матери, горько оплакивавшей погибшего сына; он лишь послал несчастной женщине письмо и теперь страшно жалел, что так и не выполнил поручение умирающего друга; теперь же он был уже стар и не решался запросто пускаться в путешествия. Ну и так далее, и тому подобное.

Самого Эммета куда больше интересовали не подробные исповеди живых людей, а те спорадические, зачастую неуверенные воспоминания Джози о неких, в высшей степени личных, вещах: о ее детстве, о дорогих ей людях и их предсмертных признаниях. Вызывали его любопытство и те непонятные, как бы не имевшие источника стуки, которые словно взрывались в притихшем зале, когда Джози пребывала в гуще своих таинственных видений. Эммет не особенно гордился тем, что даже по прошествии шести месяцев он так и не пришел к определенному заключению по поводу этих стуков, хотя и относился к происходящему в зале с изрядной долей скептицизма. Он никак не мог понять, то ли источником стуков служит сама Джози, то ли это просто некий фокус, и тогда он непременно сумеет выяснить, с помощью чего она это проделывает, и был очень удивлен, когда так и не смог ничего выяснить.

Жалуясь на это Десме Руис, Нора говорила:

---

⁶ Летом 1863 г. армия конфедератов (южан) потерпела жестокое поражение близ г. Геттисберга, штат Пенсильвания.

– Эммет стал думать, будто может сыграть роль комиссии Сайберта⁷ для разоблачения Джози: обманом заставит ее признаться в мошенничестве, а потом всю эту историю опубликует в своем «Страже». – Нора нервно глотнула чаю, быстро поставила чашку на стол и воскликнула: – И что же мы теперь имеем? Теперь Эммет уже и сам почти готов объявить эту Джози святой!

Если и был на свете человек, который с большим, чем у Норы, презрением относился к спиритуализму и всяким гипнотизерским фокусам, так это Десма Руис.

– А хочешь, я попробую эту твою девушку испытать? Я запросто могу съездить в Амарго в следующий четверг и попросить ее вызвать моего покойного мужа. А потом спрошу у нее: «Ну что, видишь невысокого бородатого лодыря в украденной рубашке и с пулей в черепе, полученной от обманутого игрока? Может, он скажет, куда спрятал все те деньги, которые у меня украл?»

Десма, разумеется, имела в виду своего первого мужа, Джозефа Гриза; ее нынешний муж, великан Рей Руис, стоял, улыбаясь, с нею рядом и был в высшей степени жив – во всяком случае, пока что.

– Если ей и впрямь удастся вызвать призрак этого сукиного сына, – сказал Рей, – ты уж постарайся узнать, очень ли

---

⁷ Комиссия Сайберта – группа ученых университета Пенсильвании, в 1884–1887 гг. изучавшая наиболее известных медиумов и выявлявшая обман и подделку.

его припекает там, где он сейчас находится.

– Рей! – одернула мужа Десма.

Его ручища тут же скрылась в ее пышных кудрях.

– Вряд ли мертвые могут меня услышать, Десма. А если и могут, что ж – пусть лучше будут предупреждены, какая им грозит компания, ибо Джозеф Гриз – самый настоящий сукин сын.

Итак, раз в две недели Эммет и Джози вместе уезжали в город на разбитой повозке – он нарочито суровый, но что-то напевающий себе под нос от возбуждения и предвкушения; она завернутая в покрывало из черной тафты и похожая на трагическую вдову из какого-то спектакля; в руках она держала грифельную доску, различные таблицы и карты Таро в черной бархатной коробочке.

Толпа людей, понесших тяжкую утрату и жаждавших пообщаться с покойными, постепенно редела, в итоге остались лишь те, кто чувствовал себя особенно сильно виноватыми. Но за все это время в газете «Страж Амарго» не появилось ни словечка похвалы или критики в адрес этой поистине абсурдной пантомимы.

Затем наступил апрель, и однажды Рей Руис – как говорили в старину – уснул мертвым сном. Заснул и не проснулся.

Док Альменара утверждал, что у Рея просто внезапно остановилось сердце. Для всех это оказалось неожиданностью, хотя вроде и не следовало бы этому так уж удивляться: Рей был чрезвычайно высок, и ему приходилось нагибаться,

чтобы войти в дверь любого дома в округе; он также запросто снимал с ветвей деревьев залезших туда и растерявшихся ребятишек. Преподобный отец Майлс, который хотя и с легким испугом, но терпимо и вполне спокойно относился к той шумихе, что была связана с неожиданными талантами Джози, не упустил возможности на похоронах Рея отметить, что куда меньше людей собралось, чтобы «проводить в последний путь замечательного человека, столп общины и самого лучшего мексиканца из всех, когда-либо живших на свете», чем в течение нескольких месяцев собиралось по четвергам в «Палома-хаус».

– Надеюсь, ты собой доволен, – сказала Нора Эммету после похорон. – Твоими стараниями Джози удалось превзойти в популярности церковь.

– Я не могу придумать лучшего способа почтить память Рея. Сам-то он, конечно же, предпочел бы спиритический сеанс церковной службе.

– И как только ты можешь допускать, чтобы нас ассоциировали с какой-то обманщицей!

– Дорогая, реальны возможности Джози или нет, но она не обманщица. Она искренне в них верит. Она никого не пытается обмануть или мистифицировать. В ней нет ни капли зла или желания кому-то нанести ущерб.

– Она наносит огромный ущерб тем, что убеждает невежественных людей в своей способности говорить с мертвыми.

Эммет скрестил руки на груди:

– А ты сама разве с Ивлин не разговариваешь?

Нора никак не ожидала, что этот вопрос причинит ей такую боль; не ожидала она и того, что в голосе мужа будет отчетливо звучать ликование, потому что он сумел ловко ее подловить. Эммет знал о том, что она порой весьма оживленно беседует с их покойной дочерью; Нора сама однажды в порыве чувств призналась ему в этом – в ту давнюю ночь Эммет вернулся из города в весьма сентиментальном настроении, вызванном изрядным количеством рождественского пунша, и ей показалось, что она может сказать ему все, а он не сумеет ни единым словом ей возразить. «Она ведь только-только смеяться научилась, – прошептал Эммет, глотая невольно подступившие слезы. – Как же мне ее не хватает!» После этих слов Нора решила, что не только не страшно, но даже необходимо рассказать ему, что Ивлин и смеяться давно научилась, и вырасти успела, да и смеется она теперь по-другому, поскольку стала совсем взрослой девушкой и бродит вместе с ней, Норой, по всему этому дому.

Значит, вот что Эммет решил припомнить и даже в виде упрека бросить ей в лицо! И эти его слова, и его желание защитить Джози были для Норы точно холодный дождь.

– Это, – с трудом вымолвила она ему в ответ, – нечто совсем-совсем другое.

На дороге по-прежнему никого не было, когда Нора выбралась из долины наверх, на последнюю полосу твердой почвы, и направила лошадь к *aguaje*⁸ Кортеса. Это был огромный бак с остатками солоноватой воды, превратившейся в грязную жижу, из которой на Нору палились несколько случайно угодивших туда лягушек. Однажды в такое же сухое лето Нора привезла отсюда домой целый бурдюк подобной коричневой жижи, и мальчики придумали, как очистить ее с помощью всего лишь двух ведер и шелкового платка, который они упросили мать пожертвовать для столь благородной цели. «Ты поверь, мам, шелк для этого самое лучшее», – сказал ей Долан; он был тогда еще совсем маленький и только недавно стал носить очки, и возможность воплотить в жизнь фокус, о котором он читал, приводила его в такой восторг, что он даже что-то напевал себе под нос. И фокус действительно удался. Мало того, у Норы на глазах произошло самое настоящее чудо: мерзкая взвесь и пена в одном ведре постепенно опускались на дно, а процеженная через шелковый платок вода потихоньку стекала в другое ведро, и уровень ее все время повышался. Это было похоже на непрерывный процесс дыхания – вдох-выдох. «Вот видишь?» – с

---

⁸ *Aguaje* (исп.) – «источник воды»; здесь – цистерна, танк, водосборник.

гордостью сказал ей потом Долан. Увы, это было много лет назад. За последние несколько недель поверхность любого источника воды, мимо которого Норе доводилось проезжать, покрылась толстым и практически неподвижным слоем грязи, в которой можно было разве что утопить, как в болоте, собственные сапоги. И уж эту жидкую грязь не могло превратить в относительно чистую воду никакое количество алхимии и терпения. Мерзкую жижу, остававшуюся в *aguaje* Кортеса, даже старина Билл пить отказался. Бедняга растерянно грыз удила, роняя пену, и беспомощно озирался. А может, все-таки попробовать процедить эту грязь?

Нет. Конечно же нет. До этого пока не дошло. Да и Эммет, скорее всего, уже дома. А если он все же еще на день задержится – что ж, ничего не поделаешь, и потом, наверняка к ним кто-нибудь заглянет. Нора невольно огляделась, но заметила лишь ослепительно-белые «фартучки» под хвостами двух антилоп, метнувшихся прочь; равнина была пуста во всех направлениях.

Кто бы ни придумал поставить именно здесь танк для сбора дождевой воды, это никак не могла быть женщина. Это было ужасное место, где все время казалось, что за тобой кто-то следит. По обе стороны тропы расстилались бесплодные земли, тут и там виднелись огромные валуны, похожие на застывших гоблинов или на покрытые отвратительными опухольями древние гномоны; казалось, эти клиноголовые узловатые каменные твари, приносящие несчастье, своим уз-

ким концом уходят не просто в землю, а в иной мир. Богатеи с востока, как известно, готовы были выложить немалые деньги, чтобы их сюда привезли, а они будут стоять среди этих камней в своих городских нарядах, пытаясь угадать, в каком месте этого жуткого лабиринта было некогда логово того или иного преступника.

Похоже, это место прямо-таки провоцировало людей на ссоры и драки. На прошлой неделе сыновья Норы явились домой, с ног до головы покрытые предательской красной пылью, и только отмахивались, когда она попыталась все-таки выяснить, в чем дело и с кем они дрались. Сказали только, что «дело улажено», и точка. Да и тон, каким были сказаны эти слова, никак не предполагал дальнейших расспросов – что Нору, разумеется, просто бесило. Мальчишки вообще стали весьма скрытными, постоянно шептались, а то и вообще переходили на испанский, заслышав, например, ее шаги в коридоре, словно она была им врагом, словно не она годами лечила отваром из крапивы их прыщавые подбородки, не она останавливала их, когда они по чьему-то дурацкому совету пытались есть мягкую кожу с только что проросших лосиных рогов, надеясь прибавить в росте несколько лишних дюймов.

Все ее мальчики впервые заявили о своем появлении на свет именно в этой долине. Роб – он был ее сыном от макушки до пяток, такой же упрямый, несдержанный, такой же обожаемый всеми соседями и замкнутый дома, – был типич-

ным ребенком «серебряных лагерей», таким же диким и пренебрегающим опасностями, как все дети старателей. В разбросанных по всей долине странных, уродливых, порой совершенно фантастической формы валунах он видел то, что в данный момент нравилось ему больше всего. Сегодня, например, эта скала казалась ему похожей на временную конечную станцию строящейся железной дороги Грин-ривер, а завтра – на буйвола; описание многих форм он черпал в грошовых романах и моментально укладывал в свою «копилку», а несколько лет спустя стал воплощать эти образы в резных деревянных фигурках, в какой-то степени даже прославивших его среди местных жителей. Уже довольно давно Нора пыталась убедить себя, что ей следует примириться с неизбежностью расставания с Робом, ибо он непременно уйдет от нее в ту жизнь, что влечет его с детства. Где будут залитые солнцем сенокосные луга и ночи, полные звездного света. Работа подмастерьем в типографии совершенно не соответствовала его мечтам и желаниям. Такой тип работы – точной, книжной, медленно ведущей к славе, – куда больше подходил Долану, которому именно эти гоблиновы пустоши впервые дали возможность говорить свысока со старшим братом, таким диким и ловким. Там, где Роб видел некое абстрактное изображение мира, Долан видел голые факты, простую, лишенную излишней страсти правду вещей: это были всего лишь камни, источенные водой и ветром, только и всего. Точно так же он постоянно развенчивал фантастические ви-

дения Роба, словно снимая с них украшающие покровы; если какая-то впадина напоминала Робу женские юбки, то Долан на это говорил: «Это же просто bajada⁹, идиот, ты что, не видишь?»

Бедный Долан. Как-то школьный учитель, выведенный из себя его чрезмерным буквализмом – один из дюжины тех, что поспешили как можно скорее сбежать из Амарго, – называл его «на редкость заносчивым занудой». Когда Нора потребовала от учителя объяснений, все стало только хуже: «Видите ли, миссис Ларк, Долан может грамотно писать и успешно решать арифметические задачи, и попусту об этом не трезвонит. Но я сомневаюсь, что он сумел бы отыскать школу, если бы не другие дети. По-моему, он никогда и никуда за всю свою жизнь не доберется первым». Нора тогда подняла целую кампанию против этого «невоспитанного пустозвона», требуя, чтобы ему запретили работать в школе, однако сама втайне опасалась, что характеристика, данная «пустозвоном» ее сыну, вполне может оказаться справедливой. Долан действительно был о себе весьма высокого мнения, но ему редко хватало уверенности, чтобы отстаивать свои убеждения, даже если он был абсолютно прав. Второй номер в скачках; роль вечного запасного игрока. И все же именно Долан был истинным сыном Эммета: такой же старательный, тщательно и размеренно делающий любую работу. Прежде чем высказать свое мнение, он всегда осторож-

---

⁹ Низина (*исп.*).

но изучал ситуацию. И крайне редко отступал от выбранной позиции. И вполне мог бы посоревноваться в умении сыпать остротами с любым из резвых репортеров центральных газет.

Но в последнее время Долан что-то стал слишком часто удивлять Нору. Вот, например, вчера. Откуда взялись этот внезапный взрыв бешенства и эта сила, с которой он кулаком пробил дверную филенку?

Ей не хотелось слишком сильно об этом задумываться; она знала, что подобные мысли и в ней самой непременно разбудят гнев. И тогда ничего хорошего не жди. Да и в типографию она явится мрачная и озлобленная.

И еще у нее, разумеется, был Тоби – этакий совершенно отдельный, не похожий на других человек. В том случае, когда речь заходила о гоблинах, он целиком был на стороне золотоискателей-первопроходцев с их невероятными, но довольно простыми историями, в которых эти странной формы камни раньше были, конечно же, девушками, которых кто-то заключил в темницу или проклял, и они, став неподвижными, только и ждали чьего-либо счастливого вмешательства. Эти истории Тоби знал наизусть и сыпал цитатами из них, тогда как Нора едва умудрялась запомнить общий сюжет. И для нее все эти каменные истуканы каждый раз выглядели по-разному – а Тоби уверял ее, что в этом-то и заключается отчасти их злое волшебство.

– Смотри, мама, как печально выглядят эти камни, – ска-

зал он однажды, посмотрев на лежавшие в ряд и похожие на некий караван то ли булыжники, то ли просто комья засохшей земли.

– Почему же печально, ягненочек?

– Но ведь это же *remuda*¹⁰! Они заблудились и теперь очень хотят снова попасть домой. Только никогда уже туда не попадут. Мне от этого так грустно становится!

Казалось, печальные чудеса поистине кишат вокруг Тоби, куда бы он ни повернулся. Подобный пессимистичный взгляд на жизнь укоренился в нем, когда он понял, что на небольшой гранитной плите, что на холме за домом, не просто так написано имя Ивлин. Узнав, что под этой плитой похоронена его старшая сестра, он то и дело спрашивал: «Там лежат ее косточки, мама?» – чем надолго лишал Нору сна.

Тоби потребовал, чтобы ему рассказали, как умерла Ивлин, и Нора объяснила ему, что такое тепловой удар, когда люди буквально тонут в потоках исходящего от солнца жара – «именно поэтому ты всегда должен слушаться, если я или Джози говорим тебе, чтобы ты отошел в тень». Затем ему захотелось понять, куда же делась душа Ивлин. Ответ Норы – «отправилась в рай» – его совершенно не удовлетворил. Посоветовавшись с Джози, он решил, что душа Ивлин таится в самом маленьком надгробии, и никакими силами переубедить его не удавалось. Затем Нора узнала, что Тоби увлекся созданием неких фантастических охраняющих дом

---

¹⁰ Табун коней (*исп.*).

«страшилищ», постепенно окружая ими ранчо; он складывал плоские камни один на другой, пока не получался столбик фута в два высотой, и называл их именами каких-то выдуманных им людей, обладавших некими выдуманными властями и умершими в неких выдуманных обстоятельствах.

– Тоб, неужели все эти люди похоронены здесь, на нашем ранчо?

– Да, тут повсюду есть указатели.

– До чего же их много!

Согласно логике Тоби, вся окрестная «гоблинская» пустошь была одним огромным хранилищем костей.

* * *

Нора думала как раз об этом, когда вдруг поняла, что шорохи в траве стихли.

Она огляделась. Дорога по-прежнему была пуста.

Мама, слышала она голос Ивлин. Посмотри.

Какое-то существо, огромное, черное, приближалось к ней в жаркой дрожащей дымке, повисшей над вершинами холмов. Нора моментально вскочила в седло и положила винтовку на колени. К сожалению, несколько деревьев, росших на склоне холма, не позволяли ей рассмотреть то существо – что бы это ни было, – которое сейчас двигалось по направлению к ней. Честно говоря, она не разобрала даже, одно это существо или два, но в любом случае его медлитель-

ные движения свидетельствовали, скорее всего, о том, что это некое животное, совершенно ошалевшее от жары. Она выждала немного, чтобы непонятное «оно» обрело хоть какую-то форму.

Что это, мама? – спросила Ивлин.

Похоже, бычок или, может, вол. Наверное, из стада Эбса-лома Картера.

А что это он так далеко забрался? Что он тут делает?

Воду ищет, как и мы.

Как ты думаешь, кем он был до того?

Как это «до того»?

Ну, до того, как ты снова в седло вскочила. Что ты тогда подумала – он кто?

Вряд ли я помню, что я тогда подумала.

Ты подумала, что это и есть чудовище Тоби.

Не болтай глупостей. Помолчи. Вон он сюда идет.

Знаешь, мама, что-то не больно он похож на быков Картера.

Очень даже похож. Вон там и буква «К» есть, видишь?

А ты посмотри, какие у этой «К» крючки и завитушки. Это же тавро Крейса.

Верно. Так оно и есть. Значит, это беглец из стада самого Короля Скота сюда пожаловал. И впрямь интересно, что это он так далеко забрался?

Ты же сказала, он воду ищет.

У мистера Крейса, чтоб его черти съели, и на своей земле

воды полно. Однако этот ублюдок настолько обнаглел, что и не думает делать вид, будто не позволяет своему скоту бродить где вздумается. Ну что ж, мы ему мешать не будем.

А почему мы должны ему уступить?

Так хотел бы наш папа, Ивлин. Ему было бы неприятно, если бы мы вздумали вести себя беспечно или неосторожно.

Но ведь здесь вполне хватает места и для бычка, и для нашей лошади, и еще для кого угодно.

Ничего с нами не сделается, если мы все-таки немного посторонимся.

Я остаюсь здесь!

Давай-ка лучше не будем делать ничего такого, что может его разозлить. Чтобы он даже не подумал, будто мы чего-нибудь в этом роде хотим. Не подумал, будто мы ему мешать станем.

Может, нам еще и лица платками закрыть, чтобы он чего-нибудь такого не подумал?

Не нужно ни хмуриться, ни смотреть на него искоса, черт побери.

Глупости какие!

Помнишь, что случилось с Финтом Колсоном? Кто-то мне рассказывал, будто его случайно видели на Альмовар-роуд. Он гнал пару молодых черных волов, которые ему явно не принадлежали. И с тех пор никто о нем ничего даже не слышал.

Знаешь, мам, все-таки огромная разница между кражей

чужих бычков и тем, что твоя лошадь пила, стоя рядом с волом из стада Крейса.

И все-таки мне бы не хотелось, чтобы нас кто-то увидел и превратно истолковал мои намерения.

И потом, о Финте и без того шла дурная слава – из-за его пристрастия к картам. Всем известно, что он сбежал в Мехико.

Не то чтобы всем, Ивлин. Просто так написали в «Горне Эш-Ривер».

Между прочим, очень многие считают мистера Крейса прекрасным человеком.

Хотя он мог бы и поменьше языком болтать. И я бы сказала, что он, сидя верхом на лошади и осматривая долину, высмотрел и заставил убраться отсюда далеко не одно селение сиу. Впрочем, он действительно приятней любого из тех воротил, что входят в Ассоциацию скотоводов.

Однако лишь его имя произносят шепотом, когда кто-то вдруг землю или скот почти за бесценок продаст или среди ночи сорвется с места и исчезнет.

Это правда.

Но разве мистер Крейс о себе не рассказывал? Разве не приходил он к Джози на сеанс, не просил ее, если можно, призвать мистера Финта Колсона, чтобы убедиться, жив он или умер? Разве не сидел с таким покорным видом, тихий, как облако, пока Джози изо всех сил старалась, но никак не могла никаких следов мистера Финта Колсона обна-

ружить? Хотя бы в мире мертвых? Что, конечно же, доказывает, что мистер Финт вовсе не умер.

Ивлин, ну разве можно быть такой удручающе легковерной! Единственное, чего тогда хотелось Крейсу, это дать всем понять, что он слышит и знает, какое мнение о нем бытует в городе. Это же любому ясно, в ком есть хоть унция здравого смысла. А те, кто думает иначе, скорее всего, в течение долгого времени не читали вообще ничего, кроме газеты «Горн Эш-Ривер»!

Знаешь, мам, ты настолько интересуешься тем, что пишут в газетах, что явно и сама имеешь что сказать их читателям. И я очень надеюсь, что ты вполне готова хорошенько обсудить это с Десмой.

* * *

Джози при всех ее талантах медиума оказалась лишена того единственного дара, который мог бы оказаться очень даже полезен ей: дара предсказания. Она могла, например, призвать дух вашей тети, скончавшейся от тифа восемнадцать лет назад, однако не была способна ни с помощью оккультных сил, ни с помощью простых наблюдений прийти к выводу о том, что малое количество снега, выпавшее прошлой зимой, может аналогичным образом сказаться на осадках и в этом году, и тогда с приходом весны по многочисленным

arroyos¹¹ уже не побежит вода, а грозовые тучи, вроде бы уже собравшиеся над головой, внезапно свернут в сторону или вообще рассеются без следа. Джози не удалось предсказать и нынешнюю засуху. А когда она еще жила в Вайоминге, ей не удалось предсказать нашествие саранчи, которая ухитрилась сожрать даже краску со стен в домике Ленор. И особенно, черт побери, было обидно, что Джози, как и все остальные, была страшно удивлена, когда «Горн Эш-Ривер» прошлым летом неожиданно опубликовал следующую заметку: «Законодательный орган Территории поставил на голосование вопрос о передаче руководства округом Картер из Амарго в Эш-Ривер. «Горн Эш-Ривер» в данном случае не имеет права высказывать свое мнение по данному вопросу, однако считает своей святой обязанностью пригласить наших глубокоуважаемых читателей к его активному обсуждению в течение ближайших недель».

Эммет тогда газету даже на кухонном столе расстелил, чтобы Нора и Джози тоже могли вместе с ним ее прочесть. И пока они читали, он то и дело как-то странно то ли хрюкал, то ли рычал – видимо, эти звуки должны были означать смесь безумного веселья и бешеной ярости, – и в итоге мальчики, побросав свои дела, тоже явились в кухню, чтобы выяснить, что там происходит и с чем связан весь этот шум. Все трое по очереди бочком пролезли под руки Норы, которыми она

---

¹¹ Arroyos (*исп.*) – ручьи с крутыми берегами, которые обычно в сухой сезон полностью пересыхают.

опиралась о стол, и с мрачным видом прочли эту заметку, подписанную Берtrandом Стиллом и напечатанную весьма мелким неразборчивым шрифтом, – Долан, только что обливший себя какой-то дорогой вонючей гадостью; Тоби, который вечно вертелся под ногами из опасения, что его забудут позвать; Роб, раздражительный, как кошка, и крайне нуждающийся в незамедлительной стрижке.

– Ну вот, – подытожил Эммет, – место для нашего округа и уплыло.

– Не говори глупостей, – отрезала Нора. – Амарго, черт возьми, управляет округом уже двадцать лет!

– О да! И это поистине героический срок. Но погоди: сама увидишь, к какому выводу придут глубокоуважаемые читатели «Горна», когда начнутся дебаты.

Уже через неделю в «Горне» на первой полосе было опубликовано письмо некой читательницы, имя которой показалось Норе совершенно не знакомым.

– Здесь сказано, что она живет на южной развилке Инес-Крик, – бормотала Нора себе под нос, – но где именно, черт побери? – Мальчики стояли рядом и читали письмо через плечо. А Эммет время от времени тыкал пальцем в ту или иную фразу, как бы подчеркивая, что, как он и предсказывал, все эти темы непременно будут подняты: прилив новых поселенцев, буквально хлынувших в последнее время в Эш-Ривер; наличие там большого торгового центра; недавно установленная телефонная связь, которой постара-

лись обеспечить как можно большее число жителей города; а также новая дорога, щедро оплаченная мистером Меррионом Крейсом, главой «Скотоводческой компании Крейса».

Все перечисленные достижения эхом прозвучали через несколько дней в очередном опубликованном письме, автором которого был некий геолог, активно поддерживавший намерения руководства Территории, с точки зрения эксперта. На этот раз Эммет настолько завелся, что начал вслух читать письмо, еще не успев порог родного дома перешагнуть.

– Нужно учитывать, – орал он, стоя в дверях, – до какой степени окрестности Эш-Ривер, расположенного на довольно плоской равнине, удобной для прохождения любого транспорта, способствуют перевозке грузов и установлению транспортных связей.

– Это, кстати, действительно так, – встрял Долан. Он в последнее время приобрел привычку, бросив какое-нибудь свое, совершенно необязательное занятие, встать рядом с Джози и стоять до тех пор, пока она его не заметит и не спросит, чем он только что занимался. На этот раз, однако, Джози чистила картошку, бросая ее в миску с водой, и, похоже, не замечала топора, мужественно и игриво заброшенного Доланом на плечо. Не выдержав, Долан громко откашлялся, но Джози даже головы не подняла. Тогда он продолжил свою мысль: – Ведь дорога в каньоне Амарго действительно просто ужасна, там даже почтальону проехать трудно.

Эммет, не обращая на него внимания, стал читать дальше:

– С моей точки зрения, весьма важной является также проблема снабжения водой. Тех жалких водных ресурсов, которые имелись в Амарго, хватало, разумеется, для основателей этой общины – вдовы Руис, ее покойного мужа и горстки тех смелых и решительных людей, которые первыми испытали на себе сложные условия здешней жизни. Но теперь, когда жителей в здешних местах становится все больше и больше, а в этом году мы к тому же столкнулись с очередной затажной засухой, нам, думая о возможности присоединения к Соединенным Штатам, необходимо в первую очередь спросить себя: согласится ли каждый новый поселенец жить в условиях практически перманентной засухи? Станет ли он так рисковать? Увидят ли те, кто будет жить в двадцатом веке, поступательное развитие Соединенных Штатов, если мы, жители округа Картер, будем продолжать полагаться на сомнительную ворожбу тех, кто якобы отвечает за наличие воды в наших ручьях и колодцах? Но еще более важно для нас – поистине жизненно важно! – то, что Эш-Ривер куда более, чем Амарго, подходит для того, чтобы служить железнодорожным узлом на тех новых путях, которые в настоящее время прокладывают от Прескотта до Финикса; а если мы и впредь будем руководить округом из такого медвежьего угла, как Амарго, то навсегда останемся вдали от морского побережья и без связи с ним».

Даже Роб не сдержался, услышав это, и, презрительно хмыкнув, заявил:

– Но это же просто чушь! С какой это стати, черт побери, Эш-Ривер больше подходит на роль железнодорожного узла, чем Амарго? Скажи, мам, разве железную дорогу не обещали проложить именно здесь еще до того, как я на свет появился?

– Еще как обещали!

– Вот ведь что люди делают! – Долан, по-прежнему с топором на плече, снова вступил в разговор. – Полагают, что все давно позабыли о тех обещаниях, которые были даны, да так и не выполнены, и теперь пытаются пообещать это заново. Хотя люди и правда о многом забывают. Тут они правы.

– Ты своим топором что-то делать собираешься или он тебе просто под руку подвернулся? – ядовитым тоном спросила Нора.

Долан покраснел, и она сразу пожалела о своем резком замечании, ибо после ее слов в комнате воцарилось молчание. Она уже собралась что-то сказать, чтобы разрядить обстановку, но Эммет опередил ее, продолжая размышлять вслух:

– Я не уверен, что эти аргументы о преимуществах Эш-Ривер в качестве железнодорожного узла не притянуты за уши. На пастбищах Мерриона Крейса сколько голов скота пасется? Две тысячи? А как только ему удастся отнять у Десмы последний кусок земли на берегу ручья, он запросто прибавит к своему стаду еще тысячи две. И вот ему-то наверняка железная дорога будет просто необходима, чтобы переправлять все это в восточные штаты. Ассоциация скотоводов

уже целиком и полностью на его стороне и пребывает в полной боевой готовности. А этим толстосумам ничего не стоит быстренько собрать необходимые средства для прокладки этого участка железной дороги Прескотт – Финикс.

– Хотелось бы мне посмотреть, как Крейс попробует хоть что-то у Десмы отнять, – хмыкнула Нора.

– И посмотришь, – грустно улыбнулся Эммет, и ей очень захотелось, чтобы он перестал так улыбаться. Вряд ли что-то раздражало ее больше, чем эта тоскливая снисходительная улыбка. – Когда Эш-Ривер передадут права на управление округом, Амарго быстренько разорится, а вместе с ним и Десма. Крейсу даже не придется посылать никого из своих приспешников, чтобы ее поторопить; ему даже из ружья ни разу выстрелить не придется. И в итоге он заплатит ей сущие гроши по сравнению с тем, что предлагал три года назад. Если вообще хоть что-нибудь заплатит. Ей-богу, у них все отлично продумано.

– Меня удивляет, как ты можешь так спокойно все это воспринимать? – возмутилась Нора. – Это же все-таки не партия в шахматы. Мы тут живем! И если Десму заставят сдать-ся, так и нас всех тоже.

Эммет ответил, не отрывая взгляда от газеты:

– Когда играешь в шахматы, сдаваться нельзя до последнего.

Впоследствии она не раз жалела, что еще тогда, несколько месяцев назад, не сумела найти достойный ответ.

– Ясно же, что далеко не каждый выиграет от того, что власть в округе будет передана Эш-Ривер, – сказала она.

– И ты чертовски права, мама, – заметил Роб.

Эммет пожал плечами:

– Разумеется, права. Но, как я уже говорил, в газете напечатывают высказывания только тех, кто этого выигрыша удостоится.

– А почему бы нам не опубликовать мнение остальных?

– Каких остальных?

– Ну, тех, кто против.

– А те, кто против, если они вообще существуют, к нам в газету со своими письмами не обращаются.

Нет, это было просто невыносимо! Нора окончательно разозлилась. С каких это пор Эммет вдруг стал полагаться на появление чьих-то писем, чтобы заполнить полосы «Стража Амарго»? Ведь еще совсем недавно он сам писал весьма яркие и злые статьи, говоря об ужасном положении шахтеров и старателей и перечисляя грехи американской агентуры, стремящейся выжить с насиженного места последние индейские деревни; он специально мотался в горы, чтобы расспросить старожилов, сколько в точности снега выпадало в этих местах раньше и что они, опираясь на свой опыт, могут честно пообещать в ближайшем будущем...

– А вы возьмите и напишите что-нибудь, миссис Ларк, – вдруг предложил Эммет.

– А что, могу и написать!

И, чтобы успокоиться, Нора с притворным многословием обрушилась на Роба:

– Кстати, если рассматривать светлую сторону происходящего, то раз уж Эш-Ривер суждено стать по-настоящему скотоводческим городом, тебе стоит задуматься: может, лучше здесь и остаться, а не тащиться бог знает куда в Монтану?

Роб мрачно посмотрел на нее, затем на Джози и снова вернулся к своему сапогу, который старательно латал.

Какое-то время после этого разговора Норе казалось, что Эммет действительно решил написать некий ответ. Он стал частенько засиживаться за полночь, включив настольную лампу, и все что-то писал, подпирая ладонью лоб. Норе это прямо-таки душу грело. Но время шло, а предполагаемый ответ так в их газете и не появился. Когда весной Эммету пришлось срочно уехать во Флэгстафф, поскольку сорвались поставки типографской краски, она про себя решила: уехал он только потому, что все-таки решил опубликовать свой ответ «Горну Эш-Ривер», а после выхода статьи ему неприятно будет находиться дома и выслушивать похвалы в свой адрес. Однако в «Страже» так и не было напечатано ни словечка. Ни единого.

Следующей, кто высказался в «Горне» в пользу передачи власти Эш-Ривер, была некая местная учительница. Она опасалась, что Амарго по-прежнему пользуется весьма сомнительной репутацией, а обстановка там все еще слишком близка к самым первым, полным беззакония дням его су-

ществования. По этим причинам, считала она, этот город вряд ли способен надежно представлять в законодательном собрании будущего штата. «Нужно учитывать и тот немаловажный факт, – громким веселым голосом читал Эммет, – что дорога, проходящая в каньоне Амарго, так, по всей видимости, и осталась настоящим раем для всевозможных злодеев, тогда как дорога в Эш-Ривер вполне защищена от подобных неприятных встреч».

– Надо нам туда поехать, – тут же предложил Роб, – и пошустрить на тамошней дороге, пусть жители Эш-Ривер почувствуют, насколько она от встреч со злодеями защищена.

Эммет строго на него глянул:

– Ты подобные разговоры оставь.

– Но, папа, на дороге в каньоне Амарго давным-давно уже никаких налетов и ограблений не случается! Совсем никаких!

– Значит, будут случаться, – мрачно пообещал Эммет. – Ближе к выборам.

И, разумеется, уже в июле в «Горне Эш-Ривер» появилось сообщение о налете в каньоне Амарго. Это была, пожалуй, одна из самых длинных статей, какие Норе доводилось видеть в колонках этой газеты. Некий человек, следовавший из Прескотта, подробно описал свою встречу с двумя мужчинами «в шляпах и на лошадях», причем лошади были «явно краденые»; разбойники три часа продержали его возле *aguaje* Кортеса, «избавив» на прощание от кошелька и са-

пог. Выпавшие на его долю испытания серьезно усугубила необходимость босиком добираться до Амарго, где он и уведомил шерифа Харлана Белла об ограблении. «Вообразите мое огорчение, – читал Долан, старательно гнусавя и, как ему казалось, подражая голосу автора письма, – когда я узнал, что вознаграждением мне будут три часа бессмысленной задержки, которые я проведу в грязной индейской деревушке. Шериф Харлан Белл, человек с грубыми манерами и чрезвычайно несимпатичным лицом, отвел меня в некое заведение, которое он именовал «отелем» и которое оказалось самой настоящей развалюхой как снаружи, так и внутри, однако там меня встретили с максимально возможным гостеприимством, то есть предоставили комнату, где окна не были выбиты выстрелами».

– Мосс Райли станет возражать, – сказала Нора. – Он, конечно, свой «Палома-хаус» несколько запустил, но это по-прежнему очень приятное местечко.

Голова Эммета с застывшей улыбкой вновь возникла в дверях гостиной.

– Ах, бедный пострадавший пилигрим! Ведь если бы место в Собрании было за представителем Эш-Ривер, тогда и полицейский участок находился бы там, всего в нескольких шагах от новых гостиниц, а не в нашем медвежьем углу.

Долан, энергично взмахнув газетой, поддержал отца:

– Я считаю, что их конечная цель – оставить Амарго совсем без воды.

Подобная гладкость речи передалась Долану по наследству от Эммета и его родни, хотя Нора считала, что характеру мальчика это совершенно не соответствует. Ее вообще невыносимо раздражало происходящее. Какими глупостями они тут занимаются! Сидят на кухне и хихикают по поводу неизбежного поглощения их города этой засушливой пустыней! Такое ощущение, будто самодовольный педант Берtrand Стиллс – единственный во всей долине владелец типографии и они совершенно не в силах как-либо ему противодействовать, так что им только и остается, что хихикать да удивленно пожимать плечами. А в итоге он запросто сметет их со своего пути.

– Как, кстати, поживает твое опровержение? – спросила она мужа.

– Подвигается потихоньку.

– Год назад ты бы из-за этого спать не мог, ночами писал бы!

Эммет был человеком улыбчивым. Годы, проведенные под жарким солнцем Амарго, начертили вокруг его рта четкие добродушные морщины. Но иногда, хотя и крайне редко, его лицо могло стать удивительно жестким, и это всегда производило на окружающих внезапный и отталкивающий эффект.

– Там видно будет, – процедил он сквозь зубы.

– Нет, надо нам все-таки показать им, почем фунт лиха, – вмешался в их разговор Роб, – пока тамошние почтовые ка-

реты не сменили путь следования во избежание так называемых налетов.

Однако было слишком поздно даже для этого. Вскоре последовала еще одна публикация в «Горне» – жалобное письмо слезливого лицемера Ферди Кости́ча. Этот кривоногий маленький славянин служил в Амарго почтальоном, однако его обязанности, увы, оказались значительно урезаны, ибо почта штата стала направлять всю корреспонденцию в Эш-Ривер. Кости́ч полагал, что столь внезапный поворот в равной степени связан со страхом перед возможными налетчиками и с уверенностью в том, что власть, безусловно, перейдет в руки Эш-Ривер, хоть и утверждал, что ему лично становится грустно при мысли о возможном упадке Амарго, ведь он считает его своим домом. Однако, писал он, его заботит прежде всего практическая сторона дела: если Амарго удержит свое место в Законодательном собрании Территории, то ему, Ферди Кости́чу, придется каждый раз ездить за почтой в Эш-Ривер, а это путь неблизкий, а потом возвращаться в Амарго, так что срок доставки корреспонденции весьма удлинится.

– Ну и пусть в Эш-Ривер перебирается! – тут же заявила Нора. – Вот уж тамошние женщины будут рады, когда он начнет к ним в окна подглядывать!

– Нам всем довольно скоро перебраться придется, – спокойно заметил Эммет.

И эти его слова, пожалуй, больше всего задели Нору:

неужели, гневно думала она, у него совести не хватает говорить о подобных перспективах хотя бы мрачным тоном? Ведь в его голосе, пожалуй, звучит даже некое приятное возбуждение, некое предвкушение новых возможностей! Что ж, конечно, это прекрасная возможность оставить позади все свои ошибки и промахи. Нельзя обвинять человека в том, что он потерял дело своей жизни, поскольку его родной город стал банкротом.

– Если бы ты все-таки собрался с силами и закончил свое опровержение, у нас, наверное, сохранилась бы хоть какая-то возможность замедлить развитие этого безумия, – ледяным тоном сказала Нора.

– Я не хочу спешить и старательно обдумываю каждое слово.

– А почему бы тебе не посоветоваться с кем-то из тех, для кого эта проблема является куда более насущной? Например, с Десмой?

– С Десмой? Она мужа оплакивает. И у нее хватает проблем с оформлением тех двух участков, на которые они с Руисом заявку подавали, это же куча разных бумаг, а жулики из Земельного управления все время ее торопят. Так что Десму сейчас лучше не беспокоить.

– А как насчет других подписчиков? Или твою газету больше никто не читает?

– Я ведь уже говорил: никаких писем на эту тему к нам не поступало.

– Просто люди поняли, что ты никогда ничего не напечатаете! Все просто ошеломлены твоим затянувшимся молчанием, Эммет! В последние месяцы твоя газета публикует разве что прогноз погоды и всякие забавные истории о том, кто к кому в наш город приезжает.

Так всегда бывало: чем сильнее во время их ссор злился Эммет, тем спокойнее с виду он становился. Он прямо-таки застыл на месте, а его нижняя челюсть казалась каменной и почти не двигалась, когда он с расстановкой процедил сквозь зубы:

– Пойми, Нора, мы потеряли свое место в Законодательном совете, как только Мерриону Крейсу удалось подкупить наших законодателей, сунув каждому в карман пачку своих грязных скользких денег. И теперь совершенно бессмысленно ворошить прошлое.

– Тогда позволь это сделать мне, – решительно заявила Нора. – Позволь мне что-нибудь написать.

– Ты же все равно не станешь этого делать.

– Позволь ей, пап! – снова подал голос Роб.

– Мне же не обязательно подписываться своим собственным именем, Эммет.

Теперь мальчики наблюдали за ними очень внимательно. Эммет снял очки.

– Запомни раз и навсегда, Нора: мы не будем бодаться с газетой Мерриона Крейса, когда до выборов, которые он намерен выиграть, остается всего три месяца.

– Возможно, если б у нас хватило храбрости, мы не оказались бы до такой степени утонувшими в долгах! – с новым приливом ярости заговорила Нора. – И ты не испытывал бы облегчения при одной лишь мысли о том, что, когда Амарго окончательно обанкротится, тебе можно будет бросить и наш дом, и твой печатный станок, и твою газету!

Все-таки Эммет обладал невероятным терпением. Он помолчал, внимательно на нее глядя, а потом спокойно сказал:

– Ну хорошо. Раз уж ты, черт подери, так рвешься в бой, то, может, тебе и впрямь полегчает, если ты все свое возмущение на бумаге изложишь?

* * *

И Нора, вняв совету мужа, с воодушевлением принялась за работу. Много лет она ничего, кроме писем, не писала, и сейчас очень старалась собрать все свои мысли воедино и направить их к одной великой цели, но непослушные мысли то и дело разбегались в разные стороны, вспугнутые очередной вспышкой ее гнева. В последний раз перечитав письмо Ферди Костича – было четыре часа утра, и за окном плыли грязноватые предрассветные сумерки, – она, прежде чем порвать это чертово письмо и выкинуть его в уборную, ухитрилась-таки написать нечто весьма пространное в защиту жизни в Амарго. Она напомнила о первых днях существования города, когда он представлял собой всего лишь лагерь посе-

ленцев при серебряном руднике на берегу Большого Раздвоенного Ручья; она описала первых здешних фермеров, Десму и Рея Руис, сумевших выдержать и засуху, и грабежи; она рассказала, как маленькая группа первопоселенцев даже ночевала в одной полотняной палатке; она не забыла и шерифа Харлана Белла, который в первое время всего лишь развозил почту и даже не мечтал стать шерифом, и Дока Альменару, променявшего сытую и праздную жизнь в Сан-Франциско на возможность творить добро на этой богом забытой засушливой земле.

Нора и сама удивлялась – особенно если учесть, сколько негативных чувств она испытала, впервые приехав в Амарго, – с какой доброжелательностью, мгновенно пробудившейся в ее душе, она обо всем этом пишет. Возможно, правы были старики, говоря, что со временем всегда начинаешь сентиментально относиться к собственной жизни, как бы на самом деле она ни была прожита.

А может, она все-таки действительно умеет писать?

Но чем подробней она описывала то, что должно было стать как бы отправной точкой ее будущей статьи, тем ярче проступали лежавшие в основе этого истины, и ей уже начинало казаться, что эти истины одерживают победу над той целью, которую она себе наметила. Нельзя рассказывать о жизни в Амарго и не упомянуть об одиночестве. Или о змеях. Или о том печальном факте, от которого никуда не денешься: эта некогда зеленая долина обманула многих фер-

меров, которые год за годом возлагали надежды на зимние снегопады, однако в радиусе сотни миль в последние две зимы не случилось ни одного настоящего снегопада, а поэтому не ожили даже те тонкие нити чистой воды в пересохших arroyos, на которые поселенцы, собственно, и делали ставку.

А еще, конечно, об этой ужасной жаре.

О жаре лучше даже не вспоминай, услышала она голос Ивлин, словно та стояла у нее за плечом. Иначе тебе придется рассказать и обо мне, а это точно ничем хорошим не кончится.

Но если даже жизнь в их маленьком городке и была, честно говоря, далеко не райской, то, может быть, сплотить жителей Амарго удастся, правдиво рассказав им, чего городу будет стоить потеря места в Законодательном собрании Территории? Амарго уже утратил почтовое сообщение с двумя крупными городами. За этим последует закрытие торгового центра и почты, останутся грузовые перевозки. Центральная часть города неизбежно начнет разрушаться. Люди столкнутся с необходимостью по три, а то и по четыре дня добираться до почты или до магазина, чтобы купить муки или хотя бы просто увидеть еще хоть одну живую душу. В итоге вскоре окажутся заброшенными не только те, пока еще пустые, участки, на которые поселенцы подали заявку, но и возделанные земли на фермах – и это отступление будет куда более мощным, чем даже то, что было вызвано засухой. И что потом? А потом на всех освободившихся участках, ко-

торые Меррион Крейс давно потихоньку скупает у тех, кто уже почувствовал себя побежденным, и у тех, кто просто решил продать свою землю, станут пастись стада Крейса, и он не будет должен ни гроша тем, кто тяжким трудом расчистил и возделал эти акры земли. А Крейсу останется только дожидаться, когда в ручьях снова зашумит вода и все вокруг зазеленеет – только тогда здесь уже не будет никого, способного ему возразить, не будет ни чужих ферм, ни оград, которые сейчас его стадам приходится обходить. Разве ж не к этому он стремится?

Пожалуй, все это уже начинает попахивать профанацией, подумала Нора.

Сомневаюсь, мама, что тебе стоит продолжать в том же духе, поддержала ее и Ивлин.

Признаюсь, детка: я начинаю понимать, почему твой отец сдался.

А может, тебе лучше рассказать что-нибудь более конкретное и осмысленное? Из твоей собственной жизни в Амарго?

Идея хорошая, только с чего начать? Стоит ли перечислять все те великие трудности, которые ей и Эммету пришлось преодолеть, чтобы освоить выделенный им участок и огородить его кольями? Или следует начать с более ранних времен? Нужно ли тревожить дух ее покойного отца? В конце концов, ничто не способно сильнее потревожить душу, находящуюся на границе миров, чем проявление в дру-

гих людях предприимчивости – а Густав Фольк при всех его недостатках когда-то вполне мог своей жизнью гордиться, да и предприимчивости в нем хватило бы человек на двадцать. После весьма неудачного начала своей стоматологической практики он решил уехать из Германии и вскоре оказался в Америке, где за несколько коротких лет перепробовал профессии конюха, слесаря, лаборанта по определению количества металла в руде и почтальона. Его последним и окончательным местом работы стало место десятника на лесопилке в небольшом, но крепком городке Мортон Хоул в новом свободном штате Айова, где с ним через два года и воссоединилась мать Норы вместе со всеми их детьми, которым удалось остаться в живых.

Об этом путешествии Эллен Франсис Фольк рассказывать не любила – признавалась только, что оно было таким долгим, что ей все время казалось, будто они дрейфуют без руля и без ветрил вдали ото всякого проявления наземной жизни, а вокруг все сильнее сгущаются некие безликие и непроницаемые сумерки, точно вечер души.

* * *

Подрастающей Норе подобные чувства были незнакомы. Мортон Хоул был городком вполне уютным и обладал четкими границами: к западу от него вплоть до реки Миссури раскинулась богатая равнина, и там вовсю селились люди,

достаточно упорные или достаточно безумные, чтобы возделывать эти дикие земли; на востоке протекала Миссисипи, по которой сплавляли лес, и огромные плоты, то ныряя в воду, то подпрыгивая, постепенно замедляли ход в более спокойном нижнем течении реки, возле той лесопилки, где работал отец Норы.

Семейство Фольк устроило в своем доме нечто вроде пансиона, и ранние воспоминания Норы были связаны с милями развешанных на просушку выстиранных простынь, с бесконечными противнями выпеченного хлеба и музыкой скребущих по жестяным мискам ложек, когда голодные лесорубы садились за стол.

Грамоте и манерам Нора училась у бледных, унылых, словно испуганных женщин с лесопилки – жен подчиненных ее отца; они учили ее всеми силами защищать родной очаг и противостоять лжи хотя бы на словах, ибо чем старше она становилась, тем чаще чувствовала откровенную фальшь тех внешних проявлений жизни, которые предохраняли этот мир и позволяли ему сохранять свою форму неизменной. В разговорах лесорубов и пильщиков, например, отец Норы представлял как некий грозный великан, гордый и неустрашимый. Они, однако, умалчивали о наиболее уязвимых его качествах – о связанных с погодой суевериях, о привычке оставлять на дне стакана хотя бы капельку, чтобы умиловать дьявола, – и это позволяло Густаву Фольку идти по жизни, не подвергаясь унижениям. Да и сам он весьма охотно и

повсюду превозносил гостеприимство и энергичность своей супруги, то ли закрывая глаза на ее недостатки, то ли проявляя полное равнодушие к вещам, которые давно стали всем вокруг известны, таким как ревматизм Эллен, полученный ею за годы странствий, и чересчур близкая дружба с виски.

Для братьев Нора двуличие тоже стало привычной формой существования. В городе они считались парнями вполне достойными и правильными, которые, если что с соседом случится, помогут ему и участок вспахать, и ни цента с него за это не возьмут. Зато дома отличались крайним непослушанием, и более мягкий Михаэль вечно шел на поводу своего брата Пауля, настоящего сорвиголовы, который постоянно склонял его ко всяким нехорошим проделкам, о которых Михаэль почти сразу же начинал жалеть. Редкое утро обходилось без разбора «преступлений», совершенных в ночи, которые братья, разумеется, всеми силами пытались скрыть, и родители тщетно пытались выяснить, где они были, почему так поздно вернулись, почему от них пахнет бродячими котами и сколько денег они уже потеряли на ставках в кулачных боях, в ходе которых бойцы практически разнесли сарай на задворках школы. Нора несколько лет терпеливо сносила материнские порки, но ни разу не рассказала Эллен о ночных художествах братьев. Она и сама порой удивлялась собственному умению лгать. Это оказалось так же легко, как ничего не говорить.

Но в какой-то момент она была поражена тем, что жизнь

вокруг нее как бы питается преднамеренным обманом, ложью и заблуждениями. Чем же еще можно было объяснить не только существование, но и – что куда более удивительно – живучесть такого городка, как Мортон Хоул, этой невообразимой толпы переселенцев, дома которых выстроились вдоль единственной улицы, упрямо именуемой Мейн-стрит?¹² Разве не честнее было бы назвать ее: Единственной? Несмотря на все свое невежество, отец-основатель города (золотоискатель-евангелист, ныне ожидающий отпущения грехов под каменной плитой с надписью А. Р. МОРТОН) был, по крайней мере, достаточно честен, назвав его Хоул¹³. Однако родители Норы воспринимали ряды новых, хотя и жалких домишек с такой гордостью, словно это был новый район Чикаго. В городе уже имелись и своя церковь с белой остроконечной крышей, и клуб, где проходили заседания городского совета. Местное отделение Союза женщин всеми силами старалось обеспечить безопасность школьных учителей; члены Союза также создали в городе «акварельные салоны», где представительницы прекрасного пола обрели возможность постигать тонкости портретного искусства. Богатые лавочники, братья Фокс, украсили свой магазин большой роскошной витриной из зеркального стекла, которая, правда, вскоре пала жертвой ураганных ветров, но тут же была заменена новой, привезенной из Сент-Луиса, – надо ска-

---

¹² Main street (англ.) – «главная улица».

¹³ Hole (англ.) – «дыра».

зять, эти витрины одну за другой постигала та же участь, но братья Фокс не сдавались, полагая, что их упорства и решимости довольно, чтобы полностью изменить отношение ураганных ветров Айовы к большим стеклянным окнам. Словно у каждого из переселенцев, прибывших на эти равнины, имелись куда более могущественные и таинственные помощники, чем те куколки-амулеты из кукурузных початков, которые Нора в детстве бездумно уничтожала.

Опорой местных заблуждений и фальши служили вежливые идиомы, которые правили бал как в печати, так и в разговорах: здешние женщины не мылись, а «принимали ванну», мужчины «дышали воздухом», простой народ «признавал» (или «не признавал») маис. Единственное исключение было сделано для налетов индейцев – и газеты, и местные жители высказывались по этому вопросу весьма ясно и грубо. К тому времени, как Норе исполнилось пять, она уже в деталях знала обо всех этих воображаемых налетах и грабежах. Она так часто и подолгу представляла себе разбросанные по равнине изуродованные трупы со снятыми скальпами и выпотрошенными внутренностями, что ей стало казаться, будто она собственными глазами все это видела. Городские дамы, по всей вероятности, тоже страдали избыточным воображением, ибо невероятное количество времени тратили на разговоры о милости Господней и спасении себя, любимых, «от этих дикарей». Лишь очень не скоро Нора догадалась, что в сущности их заботило следующее: простил бы их

Господь, если б они решились совершить самоубийство, попав в плен к индейцам из племени дакота. Норе было десять лет, когда капитан Феттермен¹⁴ выехал, словно на увеселительную прогулку, навстречу отрядам индейцев сиу. А потом она вместе с другими произносила страшные слова мучительной клятвы, обещая отомстить за гибель стольких хороших людей и за осквернение их трупов: у них были вырваны глаза, отрублены конечности – все это было подробно описано в местной газете «Вестник», которой потрясал священник, стоя на кафедре перед паствой. А менее чем через год тот же преподобный отец стоял у могилы ее брата и говорил, что Михаэля «призвал к себе Высший Судия», и эти слова зажгли в душе Норы неугасимую искру ненависти, потому что она уже знала, что пастор способен перечислять зверства, и считала трусостью со стороны священника говорить так о Михаэле, принявшем мучительную смерть, в которой, впрочем, не было ничего благородного: лихорадка буквально сожгла мозг ее брата, опорочила его, сделав безумцем.

Когда Нора впервые познакомилась с Эмметом Ларком, он показался ей столь же склонным к подобным искажениям истины, как и все остальные. Он появился на лесопилке

---

¹⁴ Событие, носившее название «резня Феттермена», имело место в декабре 1866 г., когда войско капитана Феттермена вступило в бой с индейскими племенами в районе реки Паудер-Ривер. В схватке погиб 81 американец. Впоследствии подобные столкновения не раз повторялись, но победить в них американцам ни разу не удалось.

Густава Фолька в то лето, когда Норе исполнилось шестнадцать; это был стройный, мускулистый, бронзовый от загара молодой человек с несколько странным угловатым лицом и копной выгоревших рыжих волос, светившихся, как пожар. Из имущества у него имелись только шахматы да джутовая котомка со старыми книгами. Эммет брался за любую работу, двигаясь с запада на восток, и собирался стать школьным учителем. Первое, что услышала о нем Нора, это удивленные отзывы, поскольку он, похоже, абсолютно не поддавался на провокации, когда другие пытались высмеять его желание преподавать в школе. А всего лишь неделя работы показала, что Эммету можно доверять и распилил бревна на доски, и подсчет бревен по биркам, и все это он делает с такой точностью и педантичностью, о какой в Мортон Хоул ни разу никто не слыхал.

Эммет, естественно, поселился у них в доме; ему отвели на чердаке жалкую каморку, где в летнюю жару можно было заживо изжариться; обычно мать Норы именно там селила всех новичков. Нора, совершая свои поистине сизифовы подъемы вверх по крутой лестнице с тяжелыми кипами выстиранного белья, успела заметить через приоткрытую дверь, что Эммет валяется на животе прямо на полу, тщетно пытаясь хоть немного охладиться, и медленно водит пальцем вверх и вниз по странице какого-то скучного учебника. Впрочем, иногда для разнообразия он расставлял на своей шахматной доске фигуры и сидел, тупо на них уставившись.

Норе понадобилось больше месяца, чтобы понять, что набор шахматных фигур у него не полный. Ладьи были заменены кусками кукурузных початков. А что-то странное, похожее больше на потрескавшееся от старости печенье, лежало на той клетке, где должен был находиться белый конь.

– Что это? – осмелилась наконец спросить Нора, сунув голову в дверь.

Эммет поднял странную штуковину и кратко ответил:

– Зуб.

– Ну, это, в общем, понятно, – сказала Нора с достоинством, хотя ровным счетом ничего не понимала. И, краснея от смущения, решила, что этот разговор, пожалуй, стоит продолжить: – А чей зуб-то?

– Бегемота. Его еще «речной лошадыю» называют.

– А он какой?

– Довольно большой, насколько я знаю.

Даже в те времена в улыбке Эммета уже сквозила легкая непостижимая печаль. От этой его улыбки Нора почему-то становилась ужасно доверчивой, а потому легко поддавалась на провокации.

– Я думаю, у вас еще будет время понять, что мы здесь вовсе не такие тупицы, как вам кажется, сэр, – сказала она. – Я, например, чисто случайно знаю, что никакой «речной лошади» не существует!

– Боюсь, что это не так, мисс. Она существует. И живет,

по-моему, в Замбезии¹⁵.

Она удалилась, кипя от злости. Замбезия, надо же! И пусть этот самодовольно ухмыляющийся обитатель чердака не думает, что ее легко обмануть, выдумывая всякую чертовщину насчет несуществующих стран и обитающих там животных! Она с удовольствием представила себе, как теперь накажет его: снова станет называть его «мистер Ларк», а возможность непосредственного общения с ним еще больше сократит. Разве что бросит порой «доброе утро» или совсем уж куцее «спасибо», когда ему случится придержать для нее дверь. Это была очень простая, но весьма эффективная стратегия: она продолжала смущать Эммета и путать его планы вплоть до Рождества, когда некий журнальный иллюстратор, тоже проживавший у них в доме, подарил Норе для святочного базара набор стереоскопических открыток, рассчитывая, видимо, произвести должное впечатление на ее отца. Думая, как ей организовать лотерею, Нора перебирала свои «сокровища» и среди подаренных художником картинок наткнулась на изображение лодки, полной горделивых туземцев, мечущих дротики в какое-то усатое чудовище с головой-валуном, которое яростно атакует их лодку, выныривая из взбаламученной воды. Внизу было написано: «ОХОТА НА РЕЧНУЮ ЛОШАДЬ».

Она отыскала Эммета возле дома, он подметал подъездную дорожку.

---

¹⁵ Эммет путает реку Замбези и государство Замбия в Южной Африке.

– Вы когда-нибудь хоть одного видели? – Он удивленно уставился на нее сквозь облачко пара, вылетевшего у него изо рта. – Ну, бегемота?

– Нет, мисс, не видел. – Оказалось, что этот зуб подарил Эммету приятель его отца, много путешествовавший по свету. Нора вытащила из рукава открытку с бегемотом и протянула ему. Он помог ей усесться на перекладину забора, сел рядом, и они вместе стали рассматривать изображение, стараясь, чтобы на него из обеденного зала падал луч света.

Рассмотрев картинку, Эммет присвистнул и сказал:

– Если эта фотография действительно была сделана с такого близкого расстояния от бегемота, то кто-то из тех чернокожих бедолаг наверняка расстался с жизнью, желая заполучить его зуб.

– Ничего себе путешествие – из пасти бегемота на лесопилку в Айове, – только и сказала Нора.

Другие весной развлекались увеселительными поездками и долгими прогулками по вечерам. А Норе и Эммету хватало зуба бегемота. Он постоянно напоминал обоим, как на самом деле мало им известно об этом мире, и они всеми силами стремились сей недостаток исправить. Каждый раз, когда Эммета за чем-то посылали в город, он скупал там – или брал взаймы, или выменивал – все газеты и журналы, какие только мог достать, выискивая на поблекших страницах всевозможные новые сведения, способные пополнить их с Норой общий «бестиарий». Дрожащей рукой он вырезал исто-

рии о бирманских диких котках, о невероятных змеях длиной с грузовой вагон, которые были способны своими кольцами сперва раздробить человеку кости, а потом проглотить его целиком. Нора, в свою очередь, копалась в залежах старых газет, которыми местные дамы оклеивали свои кухни, вырывая и вырезая из них картинки с мулами, бредущими по Сахаре и нагруженными так, словно они везут на спине целый церковный купол, или со странными полосатыми волками, наводящими ужас на обитателей островов Тасмании.

Незадолго до того как оба поняли, что влюбились, бродячий цирк привез в Мортон Хоул зебру. Эммет и Нора, стоя на мосту, видели, как повозка с зеброй медленно движется по дороге на противоположном берегу, сливаясь с полосатыми тенями деревьев и словно отмечая начало новой истории.

– Правда ведь, они в жизни никогда не выглядят так же, как на бумаге? – сказала Нора.

Эммет пожал плечами:

– Наверное, и люди тоже так.

В ноябре, когда река начала покрываться льдом, Эммет уехал в Небраску. Нора никогда так не грустила, как в предвкушении его отъезда. Прощание у них вышло какое-то вымученное, и теперь она приготовилась мучительно ждать писем от него. Однако ждать ей не пришлось. Эммет несказанно ее удивил, вечером того же дня появившись в гостиную ее отца, одетый во все самое лучшее, с распахнутым настежь сердцем и с зажатыми в руке полевыми цветочками.

История – в том виде, в каком Эммет впоследствии рассказывал ее их сыновьям, – гласила, что он успел доехать до Фрихолда, когда его точно молнией ударило: а ведь я ее люблю! И он повернул коня обратно. На самом деле, как подзревала Нора, все было несколько иначе: Эммет добрался до Фрихолда, понял, что плохо представляет себе свои дальнейшие планы, и вернулся, чтобы в этом разобраться и получить «подкрепление».

Они поженились в доме ее отца и уже следующей весной отправились в путь. В течение двух лет они следовали за строящейся железной дорогой, питаясь различными слухами. Обычно на переднем крае продвижения переселенцев на запад школьные учителя оказывались не нужны, и судьба бросала Эммету один неожиданный вызов за другим, но у него хватало храбрости, сил и умений, чтобы браться практически за любую работу: кладовщика, продавца в лавке, клерка на железнодорожной станции. И каждый раз их приводило в уныние то, что новичков, даже самых умелых и образованных, нигде не желали слишком долго терпеть. Так что не успевала Нора как-то привыкнуть к занавескам и матрасам с трудом обустроенной приютившей их комнатухи, как им снова приходилось сниматься с места.

Она начала ощущать ту беспредельность пространства и бесконечность странствий, которую столько лет назад описывала ей мать, лишь когда у них за спиной осталось немало разных городов и поселков. И эта беспредельность ощуща-

лась все явственней, произрастая как бы из внешних пределов Нориной души. Она не могла не чувствовать, отмечая особенности каждой новой остановки на своем бесконечном пути – вид, открывавшийся из окна их очередного пристанища, дорогу, ведущую к магазину, лицо живущей по соседству женщины, – что некие расплывчатые сумерки постепенно сгущаются как впереди них, так и позади. И с каждой их новой попыткой как-то обустроить свою жизнь эти сумерки, похоже, подбираются все ближе, все теснее окутывают их.

Конечным пунктом в итоге оказался Шайенн, штат Вайоминг. За несколько лет до прибытия туда Ларков компания «Юнион Пасифик»¹⁶ лихо прошла по этим местам, оставив после себя этакий разрушенный Вавилон – желчно-серые растерзанные равнины и буквально выпотрошенных людей. Оказалось, что эти шахтеры, аферисты, сводники и щеголеватые хлыщи обладают куда меньшим запасом прочности и мужских качеств, чем им самим представлялось. Из своего крошечного окошка на Еловой улице Нора часто видела, как эти побежденные люди, больше похожие на тени, крадучись возвращаются под вечер домой, и чувствовала, что им с Эмметом тоже почти наверняка грозит здесь полный крах, ибо все вокруг них двигались и жили точно вслепую, озаренные гибельным сиянием всеобщего разорения.

Ни одно из начинаний Эммета в Шайенне так и не увен-

---

¹⁶ Американская компания, владеющая самой большой сетью железных дорог в США; основана в 1862 г.

чалось успехом, хотя молотки строителей стучали там день и ночь. Не успевала с чьего-то фальшивого фронтона облупиться краска, как совсем рядом, на той же улице, возникал остов нового строения, похожий на бледные кости обнаженного сустава. А когда новое здание выглядело уже почти готовым, тут же возникало невольное подозрение, что оно, вполне возможно, скоро сгорит, тем самым вызвав необходимость новых строительных работ. За городом тянулась двойная колея железной дороги, которую со всех сторон окружали равнины, зимой серые, занесенные грязным снегом, а во все прочие времена года желтые; по равнинам были разбросаны далекие, почти невидимые форты. Можно было встать в любом месте и посмотреть в любом направлении, и тебя неизменно охватывало одно и то же чувство: нахождения в некоем нигде, которое все же странным образом имеет свои пределы и отлично со всех сторон огорожено. А внутри этого нигде существовал Шайенн, желавший лишь одного: всегда оставаться точно таким же, как сейчас.

Даже Эммет не сумел избежать влияния этого места. Сперва он попытался воплотить в жизнь свою заветную цель и стать школьным учителем. Он взялся за дело со свойственным ему добродушием и чувством юмора и начал с малого: создал крошечную школу и даже ухитрился заполнить ее непослушными оборванцами, которые запросто его перекрикивали, а во время урока шлялись по всей школе. Школа, разумеется, дохода почти не приносила, к тому же Эммета

со всех сторон окружали люди куда более удачливые, чем он. И он, конечно же, понимал, какие возможности, ранее им не виданные, могут ему открыться. Хотя от тех, кто подсаживался к нему в пивной и начинал плакаться на жизнь, толку особого не было. Они твердили, что их риск совершенно не оправдался, что они обанкротились, что всех здесь ждет одна судьба, а на самом деле они пытались внушить «этому учителишке», что ему ничего здесь не светит и лучше б он убирался, пока не поздно. Норе было нетрудно об этом догадаться – от ее отца в свое время избавлялись аналогичным образом.

Конечно же, в итоге их дом превратился в некий приют для всевозможных «несчастненьких». Нора уже забыла, когда Эммет вечером возвращался без очередного «хвоста» в виде очередной опустившейся личности, голодной и наполовину спятившей от жаркого солнца и абсолютной пустоты жизни. Лежа на супружеской кровати, отделенной от остальной комнаты буйволиной шкурой, она слушала, как Эммет до рассвета защищает перед новым знакомцем святость труда и человеческого достоинства.

Одним из их наиболее терпимых временных постояльцев оказался некий человек по имени Сэнди Фрид. Он подрабатывал на каком-то предприятии по определению количества металла в руде, но был уволен, и его занесло к ним в город. Чисто случайно он оказался за одним столиком с Эмметом в салуне «Железная лошадь». Оба оказались склон-

ны произносить поэтические филиппики по поводу отсутствия работы и поведения властей, однако Нора легко могла догадаться, что конкретно послужило причиной укрепления этой внезапной дружбы. Вероятнее всего, Эммет, как всегда, что-то царापал в своем блокноте, а Сэнди оказался не настолько пьян, чтобы не суметь прочесть написанное, заглядывая ему через плечо. А потом, скорее всего, заявил: «Позвольте выразить вам, сэр, мое искреннее удовольствие! Как, черт возьми, приятно встретить здесь еще хоть одного грамотного и культурного человека! Простите мое богохульство, но так хотелось высказаться от души. Я действительно страшно рад!»

Затем они, вероятно, долго жали друг другу руки и обменивались любезностями. Эммет счел необходимым поведать о крушении своих планов по созданию школ для переселенцев. А Сэнди Фрид, изумленно глядя на нового друга большими влажными глазами, торжественно провозгласил: «Да если б среди переселенцев было побольше таких людей, как вы, сэр, я бы небось тоже не стал горло этой дрянью полоскать! Да, да, сэр! Я, может, уже и совершил бы все то, что собирался совершить на этой проклятой Территории ввиду наступающего века».

Когда Сэнди Фрид после очередной попойки вновь обрел способность держаться на ногах достаточно твердо, он прилагал все силы, чтобы быть в доме полезным. Нора обнаружила, что он, например, может быть чудесным собеседни-

ком. Его Богом данное красноречие было еще и подкреплено невероятным обаянием, которое он сумел в себе развить за долгую жизнь, поскольку ему то и дело приходилось просить прощения за различные правонарушения, из-за которых он испытывал попеременно то гордость, то стыд. Сэнди оказался человеком довольно начитанным и неплохо знал поэзию, о которой мог с наслаждением говорить часами. Скитальческая жизнь разожгла в нем интерес ко всевозможным чудесам, встречающимся в мире. Правда, его рассказы об этих чудесах несколько варьировались от раза к разу, но это уже мелочи, а слушать его непрерывную занятную болтовню Норе, возившейся по хозяйству, было приятно. И потом, разговоры с Сэнди заставляли сидеть на привязи те зловерные сумерки, что не давали покоя ее душе. Если Сэнди не становился жертвой своих главных грехов – выпивки, азартных игр и проституток, – он рассуждал вполне здраво и довольно ясно мог предсказать многие события вплоть до начала следующего века. И, между прочим, это были поистине великолепные пророчества! «Всесторонняя информация! – Это была его любимая тема для беседы за завтраком, особенно если он уже успел прийти в себя после очередного унижения, полученного вчера. – Новости, дебаты! Вот что способно помочь и плугарю, и каменотесу, Эммет. Ты вступил в бой на стороне справедливости? Так распространи слово об этом от Шайенн до Калифорнии!»

На тот момент Ларки прожили там уже почти два года,

и Эммет потерпел полное поражение, тщетно пытаясь перенаправить ненависть шайеннских школьников с индейцев на англичан, а с несчастных переселенцев на богачей-скотоводов. Ему также не раз приходилось «держат саван» на похоронах всяких «чужаков» — пастухов, старателей, золотоискателей, — где он зачастую оказывался единственным, кто провожал покойного в последний путь, и уже начинал чувствовать, что положение этакого «столпа общины» куда чаще оказывается весьма невыгодным, чем приносит хоть какую-то пользу. В любой день и час у его дверей могла появиться очередная отчаявшаяся вдова, которую общество, подчиняясь интересам кого-то более могущественного, не только лишило мужа, но и ограбило, обманом отняв у покойного участок земли или причитающуюся ему долю в виде денег или товаров. И каждой из этих женщин были нужны конкретный совет, защита, понимание того, как жить дальше. Сознавая свою ограниченность и чувствуя себя из-за этого виноватым, Эммет частенько попросту покупал у этих женщин скот, чаще всего овец, стараясь хоть немного облегчить свалившееся на их плечи бремя, а они, собрав вещи, уезжали — возвращались к своей прежней жизни, какой бы она ни была, от которой не так давно сами же отказались.

— Господи, что же нам делать со всеми этими проклятыми овцами? — в ужасе спрашивала Нора, когда их ветхий, еле державшийся самодельный загон оказался окончательно переполнен.

– Продадим, конечно! – весело откликнулся Эммет.

И он действительно попытался это сделать, но после нескольких неудач узнал от людей более сведущих, что ему удалось собрать уже вполне приличное стадо, расстаться с которым ему, видимо, так просто не удастся. Как ни странно, Эммет так этому обрадовался, что его довольство собой не смог поколебать даже гнев Норы. Он сразу бросился «выправлять судно» и с воодушевлением начал учиться новому делу – и это, по правде говоря, было тем его свойством, которое вызывало у Норы искреннее восхищение. Эммет научился даже стричь овец, однако сложностей в их жизни все не убывало, и до него понемногу дошло, что его овцам явно не хватает кормов и таких пастбищ, где они могли бы спокойно толстеть, не опасаясь приближения губительных зим.

К этому времени Сэнди Фрид уже перебрался на Территорию Аризона. Немного там поскитавшись, он взял на себя роль рекламщика и промоутера в небольшом шахтерском районе между Финиксом и Флэгстаффом. За тысячу долларов он получил по ипотеке участок земли с домом-развалюхой и установленным в доме печатным станком. И все это – за одну тысячу долларов! Хотя сам Сэнди такой суммы никогда в жизни не видел и никогда в жизни не заработал бы. Но на банковских бумагах стояла его подпись, и в рекламных брошюрах и информационных бюллетенях, напечатанных, правда, с орфографическими ошибками, значилось его имя, и весь этот рекламный хлам он с восхитительной регу-

лярностью посылал Эммету и Норе под общим заголовком «Страж Амарго».

А потом Сэнди в очередной раз напился в стельку, и после этого его письма приобрели несколько иной, более настойчивый характер. Ах, мистер Ларк, как тут великолепно! Территория Аризона – это голубое безоблачное небо, и чудесные зеленые поля, в самый раз под пастбища, и приятные работающие люди, не подверженные тем порочным страстям, что вызывают золотую лихорадку и прочие сумасшествия. А какие тут храбрые, самоотверженные, поистине безупречные дамы! Вот была бы чудная компания для мисс Норы!

Нора, помнится, мгновенно ошетибилась:

– С какой стати мне водить компанию с тамошними храбрыми и поистине безупречными дамами? Какого черта он вообще об этом пишет?

– Просто потому, что ты и сама дама весьма храбрая и поистине безупречная.

– Раздражает он меня!

Эммет искоса на нее посмотрел:

– А что, по-твоему, означает подобная характеристика тамошних дам?

– То, что это дамы с весьма сомнительной репутацией!

Эммет покачал головой:

– Вот как раз пример того, что настоящий писатель должен избегать общепринятых клише и давать людям только такие характеристики, которые порождены его собствен-

ным, интуитивным восприятием. А все эти клише можно за- просто подвергнуть критике или даже в клочки разорвать. «Храбрые и поистине безупречные» в данном случае означает «доблестные, умные, хорошо воспитанные» – в общем, просто потрясающие.

А Сэнди все продолжал их звать: каждый день, писал он, наш городок пополняется новыми жителями, исполненными энтузиазма. Вот, например, недавно открылся отличный португальский магазин, где торгуют мануфактурой и мужской одеждой. Ах, какие там продаются чудесные шарфы! Сэнди писал, что был бы совершенно счастлив, если бы так сильно не скучал по дорогим его сердцу Эммету и мисс Норе, которые попросту лишают себя истинной радости и Божьего благословения, не имея возможности видеть, как рождается замечательный новый город Амарго. А как было бы прекрасно, если б они смогли вновь воссоединиться и под эгидой умной и достойной газеты привести население Амарго да и всей Территории Аризона в лоно Соединенных Штатов.

– Чего это он так неистовствует? – с некоторым изумлением поинтересовалась Нора.

– Он явно снова попал в беду.

– Надеюсь, ты не собираешься немедленно броситься туда, чтобы его спасти?

Они бы почти наверняка сумели устоять перед соблазном переехать в Амарго, если бы не пожар. Их дом оказался са-

мым последним в ряду строений, которые сентябрьской ночью вспыхнули, как сухой хворост, когда повар в «Золотом гвозде», то есть через два дома от Ларков, позволил бекону на плите не только обуглиться, но и загореться. Всего одной случайной искры, угодившей в их дом, оказалось достаточно, чтобы огонь уничтожил все – крышу, кровать, книги и записи Эммета. Нора сразу поняла, что им придется вернуться к ее родителям, хотя они в разные годы уже предпринимали подобные попытки, оказавшиеся неудачными. Но думала она именно так, стоя на противоположной стороне улицы и держа под мышками двух юных ярочек, пока пожарная команда осуществляла всякие необходимые, но совершенно бесполезные действия. Однако она буквально нутром чувствовала, что Эммет все-таки воспримет этот ужасный поворот судьбы как некий знак, сулящий новые возможности. Все остальное он явно воспринимал как некий поворот назад, а это, конечно же, никак не могло бы удержать его здесь. И Нора поняла, что для нее это последняя осень в Шайенн.

Итак, стадо овец, пожар и письма златоуста Сэнди Фрида – вот тот клубок переплетающихся нитей, который в 1876 году привел их на Территорию Аризона вместе со всем уцелевшим скарбом. Лишь по прибытии они обнаружили, что «город» Амарго – это всего лишь несколько рядов палаток, выстроившихся вдоль речки Биг-Форк-Крик, более известной как Большой Раздвоенный Ручей. А Сэнди Фрид между тем уже строил мечты о новой жизни в штате Монтана, не

успев толком начать знакомить Эммета с достоинствами и недугами вашингтонской прессы – и Эммет не без волнения со всем этим ознакомился, однако северные газеты и журналы уже практически устарели и не стоили ни гроша, хоть Сэнди и заплатил за них изрядную сумму. Но Сэнди был прежним: все такой же очаровательный и полный добрых намерений, но абсолютно безнадёжный и как автор статей, и как издатель газеты. К сожалению, он по-прежнему частенько посещал игорный дом и к ноябрю имел такую отчаянную задолженность, что Эммет был просто вынужден в качестве поручителя поставить на его банковских бумагах свою подпись. Вскоре после этого Сэнди верхом выехал во Флэгстафф за новыми материалами для газеты, и лишь шесть лет спустя Ларки получили от него письмо – это было его последнее письмо к ним – с почтовым штемпелем Онтарио. Об этих местах Нора знала лишь то, что там очень холодный климат и малое количество жителей, а сама провинция отличается изолированностью от прочего мира; кроме того, по слухам, там водилось немыслимое количество всяких злодеев, так что человеку ничего не стоило «случайно» утонуть, замерзнуть или упасть в глубокое ущелье; его также могли избить до полусмерти, если он кого-то обманул чересчур радостными посулами.

Мама, раздался голосок Ивлин, и Нора поняла, что накатала уже около двадцати страниц, – *ты снова подменяешь одно другим. Тебе же совсем не об этом нужно писать.*

– Ты права, – вслух сказала Нора. – Нужно писать по существу.

Почему бы тебе не написать о нашем доме? У каждого ведь есть дом.

Их дом. Эммет тогда настоял, что их первый дом он будет строить сам. Но после того, как тот первый дом августовские муссоны буквально смыли с лица земли, этот, второй, они строили уже вместе и без конца спорили, как лучше обустроить его внутри. Эммет тосковал по белым колышкам ограды в палисаднике и бархатным обоям своего детства. Ему хотелось, чтобы у Норы было хотя бы это. Но она ничего не могла с собой поделать: подобные мелкие «роскошества» она воспринимала как верный путь к постепенному разорению. Должна же быть причина, по которой каждый poblador¹⁷ в радиусе ста миль строил себе не дом, а скромную хижину с земляными стенами, из-за чего эти убогие домишки выглядели крепкими, приземистыми, замкнутыми, скрывая то впечатление, что их хозяевами являются уязвимые невежды. И если они с Эмметом тоже намерены во всех отношениях стать невежественной деревенщиной, то им, наверное, стоит быть практичнее, когда речь идет о строительстве собственного жилья, не так ли? И потом, они ведь наверняка надолго здесь не задержатся – снова снимутся с места уже в течение ближайшего года.

Но Эммет твердо стоял на своем. Так что они тащили с

---

¹⁷ Poblador (исп.) – «поселенец», «житель».

гор бревна; вырубали заросли похожего на мимозу мескитового дерева и манзаниты; с утра до ночи стучали молотками; отмеряли и засыпали нужное количество песка, пока не построили нечто вроде весьма симпатичной, хотя и кривоватой дорожки для бега трусцой. Норе казалось, ничего лучше она в жизни не видела. Затем они построили курятник, но любая предприимчивая лисица, обитавшая в радиусе десяти миль от их дома, запросто в него проникала, пока они не поумнели и не начали подкладывать в курятник стрихнин – в результате одна за другой отравились и погибли несколько их собак. К концу года они расчистили и распахали тридцать акров земли и посеяли свою первую озимую пшеницу – а когда весь урожай пшеницы к чертям собачьим погиб, они принялись выращивать на продажу зелень и овощи, тоже, разумеется, обреченные на гибель, пока над ними не сжалилась Десма Руис и не подарила им семена тыквы и турнепса, а также – что было куда ценнее – дала массу полезных советов насчет того, как можно «задобрить» эту насквозь прожаренную землю и «упросить» ее оставить посаженным растениям жизнь. В заявке на владение земельным участком Ларки написали, что собираются «выращивать пшеницу и овец». Эммет теперь мог бы посмеяться над этим, словно эта пасторальная фантазия пришла в голову не ему, а какому-то неведомому незнакомцу из далекого прошлого – но факт остается фактом: они тогда еще не один год продолжали заниматься овцами, продавая животных, разбирая мили перепач-

канной навозом шерсти и принимая во время окота бесчисленных ягнят, покрытых еще дымящейся кровью. Каждый год осенью они приводили свое стадо с пропеченных летним зноем пастбищ на холмах, надеясь хоть чуть-чуть сдвинуться с мертвой точки – выплатить наконец долг за печатный станок и получше обеспечить своих троих сыновей, которые до сих пор спали на соломенных тюфяках прямо на полу у очага, хотя бы купив им книги и карандаши; а еще они мечтали собрать достаточно денег, чтобы превратить старую веранду в две комнаты, а затем и в три, а потом и второй этаж надстроить, чтобы у каждого мальчика была собственная комната, где он мог бы спокойно расти, взрослеть и становиться настоящим мужчиной.

Все это они сделали, но, если теперь место в Законодательном собрании округа перейдет к Эш-Ривер, их усилия окажутся напрасными. Напрасными будут все полученные ими раны, увечья и солнечные удары. Как и все те мелочи, что составляли их жизнь. Как и все их попытки спастись от смерти.

А ваши заслуги, мама, – напомнила Ивлин. – А достоинства вашей здеишней жизни.

Заслуги, достоинства... Что ж, если верить тому, что Эммет написал на опорном столбе у них в спальне, заслуги и достоинства их жизни достаточно просты. Они довольно долго здесь прожили. И жили, может быть, не слишком счастливо, но все же счастливее многих. Эммет, Нора, мальчики и, ко-

нечно же, Ивлин. Она, правда, провела среди живых всего несколько месяцев, но и потом оставалась с Норой, с каждым днем становясь взрослее, проявляясь в каждой паутинке, в каждой пылинке, в каждом солнечном зайчике на полу. Когда Нора представляла себе их пустой дом, она видела, как Ивлин пробирается среди потолочных балок, перелезает через перила на крыльце, трогает пальцем наплывы на бревнах и непобедимые пятна на оконных стеклах, ковыряет ноготком жирные кляксы, оставленные мальчишками на кухонном столе. Ее дочь была в той же степени частью их дома, как и любой живой член семьи, – даже больше, наверное, потому именно с Ивлин было связано само его основание, закладка фундамента, начало строительства, да и похоронена она была совсем рядом, в той земле, на которой стоит их общий дом. Она, конечно, давно стала взрослой, превратившись в тонкую, умную, прагматичную и, может быть, несколько резковатую девушку, и уж она-то наверняка будет против, если Эммет все-таки вздумает покинуть этот дом.

Но писать об этом было невозможно. Так что же тогда осталось ей сказать?

«Для многих из нас сады и огороды – это кладбища наших сердец, нашей души. Так неужели же, когда Амарго окончательно разорится, мы попросту бросим здесь наших мертвых?»

Нет, мама, об этом ты лучше не пиши, – тут же вмешалась Ивлин. – Это лишь привлечет излишнее внимание ко

мне.

Наверное, ей лучше вообще ничего не писать. Нору вдруг охватил ужас при мысли о том, что подумают люди, если все эти чепуховые мысли и соображения, которые она столько времени изливает на бумаге, действительно будут кем-то прочитаны. Даже написанное подвергнуть строжайшей цензуре, все равно ее излияния только разожгут сплетни, которые, похоже, в настоящий момент являются единственным связующим звеном между Амарго и Эш-Ривер. Она не хотела писать об Ивлин, но без Ивлин ее история выглядела столь же обыденной и начисто лишенной фантазии, как и у любого из здешних жителей – если, конечно, не думать о том, что у других дочери живы, а ее Ивлин больше нет.

И все написанное ею полетело в огонь.

Но стремление как-то воплотить в жизнь задуманное уже горело в ее крови. Только б удалось найти нужные слова! Отыскать ту отправную точку, с которой только и можно обращаться к жителям Амарго!

А еще лучше, если б Десма согласилась что-то написать. Но Десма в данный момент была неприступна. А ведь она куда раньше всех остальных – ну, почти всех, черт побери! – поселилась в этих местах, и это было задолго до того, как возникли хоть какие-то надежды на возможное процветание этой местности. Пожалуй, ни одному человеку в этой долине не удалось встать на ноги без помощи и поддержки Десмы – и она всегда была готова помочь, дать хотя бы небольшой

толчок, хоть это и шло вразрез с ее собственными фундаментальными убеждениями, а также с вечным требованием оставить ее в покое. Но Десма со всем сумела справиться и вот теперь после двадцати четырех лет нелегкой жизни была «вознаграждена» – смертью самого дорогого и любимого человека, ее истинного друга, и на нее тут же набросились безжалостные рейдеры, инспекторы, агенты и прочие хищники, желающие оспорить законность ее владений. Вот уж что точно переходило границы всякого терпения.

И в итоге примерно месяц назад Нора остановилась на следующем тексте:

Увы, отныне, похоже, даже само слово «Амарго» не может появиться на страницах газеты «Горн Эш-Ривер» без того, чтобы это название не было незамедлительно соотнесено с постоянными нарушениями закона, грабежами и катастрофической нехваткой воды. Мы, жители Амарго, только из этой газеты с удивлением узнали, сколь ужасны наши перспективы. А предложенная властями Эш-Ривер мера – это не что иное, как завершающий удар в долгой кампании злостной клеветы и на сам город, и на его жителей; удар, ставящий под угрозу развитие Амарго и его безопасность. Сам же Эш-Ривер в такой ситуации только выигрывает. Хотя издателям «Горна» не грех было бы вспомнить, как достойно Амарго исполнял свои обязанности в качестве главного города округа, представляя в Законодательном собрании, чем наш город был в значительной

степени обязан усилиям таких доблестных людей, как Десма Руис, дважды вдова, поселившаяся здесь двадцать лет назад и никогда отсюда не уезжавшая; ей довелось неоднократно переживать и засуху, и голод, и кражу скота, и порчу имущества, организованную членами Ассоциации скотоводов, много раз пытавшихся отнять у нее землю, но она сумела доказать всем, что это ее земля. Разве это не яркое доказательство возможности существования между нашими городами добрососедских отношений, благодаря которым мы вместе будем стремиться к достижению благодородных целей и всеобщему процветанию? Все мы в долгу перед Десмой Руис, все мы глубоко ее уважаем, все мы восхищаемся ее преданностью – но что станет с ее домом, с дорогими ее сердцу воспоминаниями, с ее безупречным хозяйством, в которое она вложила все свои силы, всю свою жизнь, если наш город будет сознательно подведен к полному разорению? Амарго не должен сдаваться без боя, сколько бы еще лживых заявлений ни напечатали в «Горне Эш-Ривер», сколько бы еще драконьих зубов ни посеяли на своих полях мистер Меррион Крейс и его Ассоциация скотоводов!

Когда Нора показала Эммету свою заметку, он озадаченно на нее посмотрел и спросил:

- А почему ты решила использовать здесь слово «безупречное»?
- Потому что теперь я знаю его значение.
- А что, если другие люди его не знают? Они могут на нем

споткнуться и ошибочно его истолковать – в точности как и ты раньше. Это слово не подсказано тебе твоей интуицией. Оно не от души.

– Не больно-то ты веришь в своих читателей.

Эммет промолчал; он все еще внимательно изучал листок с «письмом в газету».

– И вот еще здесь... что ты имеешь в виду под зубами дракона?

– Эллины считали, что, если посеять зубы дракона, то пожнешь готовую к сражению армию. – Страшно довольная собой, Нора посмотрела мужу прямо в глаза, но он снова углубился в текст, и она спросила: – Когда ты это напечатаешь?

– Напечатаю? – Он глянул на нее с неподдельным удивлением. – Дорогая, но я предложил это тебе исключительно для поднятия твоего духа. Так сказать, в качестве умственного упражнения.

Для поднятия ее духа? Да ее дух кипит уже несколько дней! Но еще хуже было то, что Эммет оказался не в состоянии понять, почему она вдруг так замкнулась, почему отвечает отрывисто и односложно.

Но, мамочка, разве тебе не стало легче, когда ты все это написала?

Нет, никакого облегчения она не почувствовала. Потрачено столько времени, столько усилий. Исписано и переписано бесчисленное множество страниц. Весь первоначальный текст перестроен и перекроен, однако и сама она теперь

уже не уверена в собственной логике. А Эммет... Эммет по-прежнему тянет с обещанным опровержением; утверждает, что пишет, но, похоже, только зря тратит время, царапая пером по бумаге и пытаясь собрать вместе какие-то обрывки неискренних мыслей, которые он даже показать Норе откажется. Куда же девался пресловутый «рыцарь пера», который так яростно протестовал против войн с индейцами, отмечая каждый несправедливый захват их земель, каждое несправедливое тюремное заключение, каждую казнь через повешение, совершавшуюся без суда и следствия?

Итак, в настоящий момент Эммет, взяв повозку, укатил в Кумберленд, надеясь разыскать этого Пола Грингса, черт бы его побрал, и выяснить насчет доставки воды, а Роб и Долан остались хозяйничать в типографии. И вот через день-два после отъезда мужа Нора, слегка пошатываясь после бессонной ночи и исполненная решимости, сунула свою заметку Долану и сказала:

– Это срочно. Вставишь в последний момент.

Долан прочитал и, глядя на мать совершенно круглыми от изумления глазами, спросил:

– А папа это видел?

– Конечно.

– Но, скажи на милость, кто такая эта «Эллен Франсис»?

У Норы попросту не хватило воображения, и она ничтоже сумняшеся подписалась именем своей матери. Но Долан, разумеется, никакой Эллен Франсис Фольк не помнил; он ни-

когда ее не видел, никогда ей не писал. И Нора очень удивилась бы, если б Долан сумел вспомнить, что у него вообще когда-то была бабушка по имени Эллен.

– Ты ее не знаешь. Она в этих краях недавно поселилась и довольно далеко от нас, в Ред-Форке.

– Но написала именно тебе?

– Твоему отцу. Еще на прошлой неделе.

И ведь у нее еще было время признаться, выйти из игры. Тем более и Долан все медлил, все торчал в дверях, вертя в руках шляпу. Потом все же снова спросил:

– А ты уверена, что папа это одобрит?

Роб, который, как оказалось, давно уже наблюдал за этой сценой из-за ограды, подошел к ним, взял из рук брата записку, прочел ее и вынес вердикт:

– Давай, действуй. Папа одобрит.

И записка была напечатана – но что же она дала Норе? Мимолетную дрожь наслаждения при виде знакомых слов, еще пахнущих типографской краской и занимающих весь «подвал» первой полосы. Записка выглядела такой официальной, такой вечной... Вот уж действительно, «что написано пером...». В общем, это был какой-то коротенький сон наяву, над которым они с Десмой, наверное, потом всласть посмеются. И ведь Нора даже позволила себе поверить – хоть и всего лишь на несколько мгновений, ибо достаточно хорошо знала Десму, – что сперва Десма раскричится, рассердится, а потом смутится и станет робко упрекать Нору за то, что

она так превознесла некие ее «добродетели», которых сама Десма в себе никогда не замечала и уж точно превозносить бы не стала.

Но ничего этого не произошло. Наоборот, все полетело к чертям собачьим. Уже на следующий день Долан размахивал у Норы перед носом свежим номером «Горна» – его издатель медлить с ответом не стали, и этот ответ был опубликован так быстро, что Нора почти не сомневалась: он был написан заранее, задолго до начала всей этой заварушки. Черт бы побрал могущество ежедневных газет!

Несмотря на горячее желание выступить в защиту наших предыдущих публикаций – безосновательно очерненных газетой «Страж Амарго», – мы все же предпочли воздержаться от излишне громких выражений, ибо они могут вызвать сомнения в нашей журналистской объективности. Нам и без того предстоит неприятная задача – опровергнуть обвинения, бесовестно порочащие честь газеты «Горн Эш-Ривер». Во-первых, как нам представляется, сообщать о фактах, касающихся затруднительной ситуации в Амарго, – это вопрос социальной ответственности. Неизбежность банкротства и краха этого некогда весьма достойного города воспринимается нами, его друзьями и соседями, не менее болезненно, чем его собственными жителями. Во-вторых, давно доказано, что округа извлекают для себя немалую пользу, когда в законодательных органах происходят передвижки. Этот процесс вдохновляет общество

на участие в политических процессах, пробуждает в массах заинтересованность и, наконец, служит решающим шагом в процессе вступления Территории Аризона в Соединенные Штаты. И в-третьих, несмотря на то что мистер Меррион Крейс действительно входит в число соучредителей нашей газеты, легкомысленное толкование уровня его непосредственного участия в текущих делах редакции свидетельствует, скорее всего, о том, что «Страж Амарго» выдает желаемое за действительное и является попросту чьей-то необоснованной догадкой – это, впрочем, неудивительно, особенно если учесть связь издателя «Стража» с гипнотизерами и медиумами. Реальные же факты таковы: наша газета была создана, дабы наиболее полно обеспечивать политическими, общественными и иными новостями жителей долины Инес, однако мистер Крейс никогда не имел никакого отношения к ее выпуску или руководству. Что же касается миссис Десмы Руис и ее «двойного вдовства», то для начала требуется доказать: а была ли она вдовой, когда вступала в брак – кстати, незаконный – с ныне покойным мистером Реем Руисом? Нам из достоверного источника известно, что и тогда, и в настоящий момент она являлась и является законной супругой мистера Роберта Гриза, и наша прямая обязанность – указать на этот факт и подчеркнуть, что никакой вдовой упомянутая особа отнюдь не является.

– Теперь нам чертову пропасть штрафов платить придется-

ся! – в отчаянии воскликнул Долан. – И отцу, и Ассоциации скотоводов.

– Значит, заплатим, – отрезала Нора. Но сердце у нее мучительно билось. Она снова перечитала последнюю строчку. Как же это похоже на Бертранда Стиллса! Жалкий пу-
стозвон! Но как успешно компенсирует нехватку материала, публикуя чистейший вымысел – да еще и о таком человеке, как Десма, да еще и всего через несколько дней после смерти Рея! Проклятый навозный жук! Только и знает, что шарики из всякого мусора катать!

По-моему, Десмы в этом мусоре нет, – услышала она голос Ивлин. – Если только ты, мамочка, сама ее с этим мусором не смешала.

Наверное, было бы куда умнее оставить все это в покое, и постепенно эта неприятная тема сама собой забылась бы. И если бы камни летели только в огород самой Норы, она бы, наверное, сумела заставить себя как-то эту историю пережить. Однако публикация была оскорбительной для Десмы, и уже через два дня Нора стояла перед Робом, протягивая ему сложенный листок с ответом – она нутром чуяла, что Долан подобной ошибки во второй раз не сделает и никакой заметки у нее не примет.

А Роб только ухмыльнулся:

– Эта Эллен Франсис, видно, та еще штучка! Так и стро-
чит один газетный материал за другим, причем куда быстрее, чем мы.

– А ей больше заняться нечем, – пояснила Нора. – Она же совсем старуха и понимает, что ее время давно миновало.

– Старуха, а почерк на редкость уверенный, – удивился Роб. – И черт меня побери, если мне этот почерк не кажется странно знакомым.

– Ладно, не умничай. Лучше постарайся это напечатать до того, как миссис Франсис этот мир покинет.

И Роб напечатал.

Если у кого-то еще остаются сомнения насчет правдивости материалов, публикуемых в газете «Горн Эш-Ривер», достаточно обратиться к той статье, которая появилась на прошлой неделе в качестве ответа на письмо некой читательницы, опубликованное «Стражем Амарго». Этот весьма пространственный ответ как бы высветил все те факты, которые следует знать об истинном положении дел в редакции «Горна» и о его отношении к действительности. Впрочем, если нужны еще какие-то доказательства истинного двуличия упомянутого издания, то достаточно вспомнить совсем недавнюю историю с публикацией в «Горне» репортажа о двух школьных учительницах, якобы заживо сожженных в собственном домишке, – разумеется, все это удалось быстро опровергнуть, однако определенная цель этой фальшивой публикацией все же была достигнута: ошеломить и запугать тех учителей, особенно дам, которые пожелают здесь поселиться. И разве не «Горн Эш-Ривер» раструбил на весь свет, как много скота погибло во время пожара в Бра-

шинге, заявив, что сгорели по меньшей мере четыре сотни голов, тогда как их было всего тридцать? Однако благодаря этой публикации Меррион Крейс и Ассоциация скотоводов смогли заявить, что понесли «весьма существенные потери», и потребовать компенсации. Многие из тех, кто недавно прибыл в эти места и ради кого, собственно, трудятся наши представители в Законодательном собрании, могут еще и не знать, что на самом деле творится в их местной газете, но тех, кто прожил здесь долгие годы, обмануть не так-то просто! Попытка опорочить одну из старейших и наиболее уважаемых жительниц этого округа, Десму Руис, бросает тень и на Эш-Ривер, и на всех его обитателей. Ведь всем известно, что ее первый муж, Роберт Гриз, был застрелен в Новом Орлеане еще в 1868 году во время ссоры с неким аферистом из-за проданной лошади. Специально для тех, кто плохо владеет арифметикой, поясняем: это означает, что миссис Десма уже восемь лет была вдовой, когда обвенчалась с мистером Реем Руисом из округа Картер 25 марта 1876 года в той церкви, что стоит в самом центре Амарго. В той самой церкви, скамьи которой могут значительно опустеть в результате возможных перемен в законодательной власти округа. Как многим уже известно, миссис Десма Руис в апреле этого года вторично овдовела в связи со смертью мужа, Рея Руиса.

Таким образом, в течение тех восьми дней, когда Эммет Ларк по всему Кумберленду гонялся за Полом Григгсом,

обязанным поставлять им воду, между Амарго и Эш-Ривер трижды произошел обмен выстрелами, а бедняга Долан похудел килограммов на шесть, мучительно пытаясь во всем разобраться и как-то эту ссору уладить. Но вскоре на всеобщее обозрение были выставлены и прочие неопровержимые факты: точные даты и места действия, а также обстоятельства «смерти» и поныне живого Роберта Гриза.

Нора только-только успела немного успокоиться, как в их почтовый ящик прилетел следующий ответ, от которого у нее буквально кровь в жилах застыла.

Написать по поводу поднятой темы мне посоветовал представитель одной газеты, весьма разумный и хорошо воспитанный молодой человек, настоящий джентльмен, который посетил меня на прошлой неделе. Дело в том, что я тот самый Роберт Гриз из Нового Орлеана, который в упомянутом городе и заключил брак с упомянутой Десмой Гриз (урожденной Загану). Своей жены Десмы я не видел с 1868 года – с тех пор как она из нашего дома исчезла. Учитывая то, что она всегда была склонна потакать кое-каким своим слабостям и не раз по этой причине исчезала и ранее, я думал, что со временем она вернется. Когда же она не вернулась, я решил, что на сей раз ее настиг некий печальный удар судьбы. Мне искренне жаль, что ее друг, мистер Рей Руис, скончался, о чем мне сообщил тот молодой газетчик, но ведь закон гласит ясно: мы оба никак не могли быть ее мужьями, поскольку она все еще моя жена. Я настаиваю на

этом и прошу жителей Амарго и Эш-Ривер ни в коем случае не верить иной, весьма сомнительной информации».

– Ну? – крикнул Долан, одну за другой швыряя четыре газеты со злополучной перепиской на кухонный стол. – Теперь ты, надеюсь, довольна? Скажи, чему в результате это помогло? Обо всех ли реальных фактах мы теперь информированы?

– Не смей на меня орать. – Нора вцепилась в сиденье стула, на котором сидела, делая вид, будто вновь и вновь перечитывает лежащие перед ней публикации. – Нет, какая все-таки чушь! – Ничего умней она так придумать и не сумела. – Разумеется, никто этому не поверит! Это же просто не может быть правдой!

– Поверит – не поверит... Теперь это уже не важно. Уже одно то, что этот вопрос поднят в газетах, превратит опубликованные в «Горне» письма в правдивые свидетельства, по крайней мере, для половины здешних жителей. Неужели, мама, ты этого не понимаешь? Они ведь ни на минуту не усомнятся в том, что это так и есть! – Долан долгое время стоял, закрыв руками лицо, потом сказал: – И теперь я просто не представляю, как ты решишься хотя бы в глаза Десме посмотреть.

А Роб, сидя в уголке и обтачивая фигурку маленького деревянного бизона, заметил:

– А все-таки я рад за миссис Эллен Франсис. И хрен с ними со всеми – и с Меррионом Крейсом, и с его Ассоциацией

СКОТОВОДОВ!

Часть 3

Сан-Антонио

А что касается той девушки, ну... это, черт побери, просто несчастный случай, Берк. Ведь совершенно ясно, что она ничего плохого не хотела. Ты и сам бы сразу это понял, если б не был так ослеплен болью. Жаль, что я не в силах никак эту твою боль облегчить. Хотя ты, похоже, и сам понемногу начинаешь поправляться – но, прежде чем мы эти места покинем, ты должен постараться опять стать спокойным. А теперь отдыхай и поверь мне на слово. Она ничего плохого не хотела. Из всех ее сородичей она была самой милой.

Ты, наверно, считаешь, что я ошибаюсь? И хочешь сказать, что со мной это и раньше не раз бывало. Что ж, может, ты и прав. Наверное, годы взяли свое, и я стал чрезмерно мягок в отношении детей и зеленых юнцов с их мелкими проступками, за которыми в самом деле ничего плохого не стоит. Да, пожалуй, не стоило мне тебя ей показывать – надо было ее пощадить! Видишь ли, Берк, я так люблю тебя, что за все эти годы так и не сумел привыкнуть к тому, что многим твоя морда кажется пугающе уродливой. Одни только твои зубы чего стоят! А вонь твоя? Ты меня, пожалуйста, прости, но я-то – в отличие от тебя – прекрасно помню, что тоже в свое время до смерти твоей физиономии испугался.

Да, именно ты в ту ночь на военном судне «Саплай» напугал меня так, как никто и никогда в жизни меня не пугал. Если бы не твои вопли, я бы сразу с того корабля смылся с украденным голубым пазар в кармане и отправился бы странствовать по городам и весям, пока где-нибудь не встретился бы с давно меня поджидающей виселицей. Если бы не твоя рожа, я ни за что не заорал бы со страху и не грохнулся бы навзничь, налетев на бухту каната, и уж точно не допустил бы, чтобы вокруг меня собралась целая толпа – трое или четверо парней окружили меня и терпеливо ждали, когда я очухаюсь и наконец встану на ноги.

Это из-за тебя меня схватили и вытащили на середину палубы, устроив немыслимый гвалт. Они все разом орали: «Кто это у нас тут шляется?», «А ну выкладывай немедленно все, что успел стащить! Выкладывай, выкладывай!» – хотя тогда, насколько я понимаю, мне вряд ли было ясно, что именно они орут, поскольку это был то ли турецкий язык, то ли арабский. В темноте они выглядели всего лишь тенями, но намерения их были очевидны: им хотелось как следует проучить наглого маленького воришку и отобрать у него украденное, что было совсем нетрудно, ведь их все-таки было четверо на одного. Они принялись меня обыскивать, и вся добыча Хобба прямо-таки запела у меня в карманах. Мне самому украденные мною вещи казались какими-то непонятными, ненужными. Я изо всех сил ударил головой в живот того из матросов, что стоял ко мне ближе всех, а когда он

упал — это вызвало у остальных столь сильное удивление, что они даже чуть ослабили хватку, — я вырвался, перемахнул через планшир, нырнул в воду и поплыл, не останавливаясь, пока не добрался до нижней гавани.

На следующий день я, надев так и не успевшую до конца высохнуть одежду, заглянул в пивную, и надо же было такому случиться, чтобы полуденный ливень загнал туда же тех троих матросов. Их появление страшно развеселило присутствующих, потому что они были в узких штанах, более всего похожих на кальсоны, и в фесках. Но я-то их сразу узнал, тем более у одного на носу красовался поставленный мной синяк. Практически такой же красовался и на моем собственном носу, разве что чуть повыше — в общем, любому сразу стало бы ясно, что эти два парня подрались и как следует друг другу врезали. Короче, те матросы вошли и уселись за стол у той стены, что выходила на пляж. В общем, я здорово влип, а ведь мне хотелось всего лишь спрятаться от дождя и немного согреться. Ну, может, еще украсть что-нибудь на завтрак. Но теперь я был вынужден ждать. Тогда на темной палубе мои пленители показались мне громадными. Зато теперь уж я их как следует разглядел и убедился, что даже мой главный противник, которому я нос расшиб, еще совсем молодой парень и очень привлекательный, такой тонкий, изящный. Меня он заметил далеко не сразу, а когда заметил, то улыбнулся. Но остальным так и не сказал, чего это он улыбается.

Через некоторое время он встал, подошел к стойке, под которой я прятался, и очень тихо, чтобы его слова полностью заглушал царивший в зале шум, окликнул:

– Эй, воришка!

Я сердито прошипел, что никакой я не воришка и впредь не потерплю, чтобы меня так называли, тем более такой сукин сын, как он, да еще и вырядившийся в какую-то дурацкую шапчонку. Он молча все это выслушал, а на меня даже и не глядел. Стоял себе спокойно и руки по швам опустил. А потом сказал вполголоса:

– Ты украл одну вещь, очень для меня ценную. Может, в здешнем мире со всеми его богатствами и золотыми приисками это кому-то и чепухой покажется, но мне эта вещь дороже всего на свете.

Да, Берк, я понимаю: я вполне сознательно приукрашиваю свой рассказ. Ведь он тогда едва мог два-три предложения составить на своем убогом английском, да и то с трудом, что создавало-таки определенные препятствия в нашем с ним общении, к тому же ему приходилось стоять, буквально застыв, чтобы меня никто под стойкой не обнаружил, а не объяснять мне с помощью яростной жестикуляции и прочих знаков, что именно ему от меня нужно. Тем более у него на родине вообще жестикулировать было принято. И все-таки мы сумели друг друга понять – то есть я догадался: он понимает, что его базар у меня, но я непременно буду это отрицать.

– Ты знаешь, – сказал он, – в доме моей матери тому, кто совершил некий проступок, три раза давался шанс все самому исправить, прежде чем последует наказание. Я сейчас прямо-таки вижу, что ее *mati*¹⁸ прожигает дыру в твоём кармане, и потому предлагаю тебе три возможности исправить то зло, которое ты мне причинил.

– Надо же, какое великодушие! – буркнул я.

– Так. Как насчет второй возможности?

Я так и взвился:

– Как это второй? А где же первая?

– Первая была еще прошлой ночью, – сказал он, наконец-то совсем повернувшись ко мне и загибая пальцы. – Пройшей ночью, когда мы тебя поймали, у тебя была возможность вернуть мне украденное, но ты ею не воспользовался. Так что сейчас даю тебе вторую возможность это сделать. Ну, что скажешь?

– Почему это я должен что-то там говорить? Я вообще не понимаю, что ты имеешь в виду. Какие-то возможности... Вся эта кутерьма на корабле началась с того, что ты решил, будто я у тебя что-то украл. Я же не сумасшедший, чтобы пользоваться тем, что ты мне предлагаешь.

– Ну, ладно. – Он загнул второй палец. – Тогда у тебя остается только третий, последний шанс. И если до следующей нашей с тобой встречи ты не вернешь мне мой *mati*, я его непременно сам у тебя отберу, а заодно и всю морду тебе

---

¹⁸ *Mati* (турецк.) – «мертвый».

порежу.

– Ах, боже мой! Неужели, мистер, твоя мать именно так тебя за проступки наказывала?

Однако мой издевательский тон ничуть на него не подействовал; даже улыбка его ни капельки не изменилась – жутковатая это была улыбка, одновременно и приветливая, и смертельно опасная; да и его широко расставленные глаза светились каким-то странным светом.

– Нет, конечно, – сказал он все с той же улыбкой. – Только она ведь все-таки была моей матерью.

* * *

Звали его, как я впоследствии узнал, Хаджи Али – хотя моряки, вместе с которыми он приплыл сюда откуда-то из Леванта, давно оставили попытки правильно произнести его имя и переделали его в Хай Джолли¹⁹, а потом и просто в Джолли. Шутка, конечно, потому что весельчаком он уж точно не был; это был задумчивый и красивый сирийский турок с весьма стойким характером и вечной улыбкой на лице, вот только улыбка эта почти никогда не была искренней. Прозвище Джолли к нему прилипло – хотя иногда точно так же называли людей, не имевших с ним ничего общего, и от этого мне, например, казалось, что он какой-то особенный, по-

---

¹⁹ Hi Jolly (англ.) – «Привет, весельчак».

тому что его одновременно можно увидеть как бы в двух местах сразу. И потом, людям нравилось, как легко и приятно это прозвище произносить; это, по-моему, им нравилось гораздо больше, чем сам человек, носивший такое прозвище.

Еще тогда по нему сразу было видно, что дружбу с ним завести практически невозможно, потому что цена такой дружбы непомерно высока. Да, уж он-то себе цену знал. Чем еще можно было бы объяснить, что я стал охотно выполнять то одно его поручение, то другое, да так никуда и не двинулся из Индианолы? В первый день мне удалось всего раза два на него посмотреть: сперва на скотопрогонном дворе, где он осуществлял что-то вроде инспекции, а потом еще раз на конюшне – они там спорили с Гансом Верцем насчет стоимости сена. Мой бывший противник с таким же, как у меня, синяком на носу меня, разумеется, не заметил – хотя это, пожалуй, и противоречило моему желанию продемонстрировать ему, что я несколько его не боюсь. А Хобб все продолжал подначивать меня, требуя, чтобы я хоть что-нибудь снова у него украл. Всю ночь я с этим Хоббом сражался; больше всего ему хотелось заполучить феску Джолли, или его пуговицы, или хотя бы его туфли, причем прямо с ноги; я возражал, говоря, что нам о нем ничего не известно, мало ли каков был его жизненный путь, так что не стоит, пожалуй, искушать судьбу в третий раз, ведь первые два шанса мы уже использовали.

К рассвету я уговорил себя, что пора сматывать удочки.

Признаваться в своих преступлениях мне не хотелось. Но не хотелось также, чтобы мне – как было обещано – подбородок напрочь отрезали, хотя подобная угроза и была слишком абсурдной, чтобы оказаться реальной. Вообще-то мне хотелось отправиться на юг и добраться до границы. И я, возможно, сумел бы это сделать – кто знает? Однако – нет, ты только представь себе, Берк! – некое странное сентиментальное чувство, возникшее в моей душе при виде фальшивых фронтонов спящей Индианолы, повлекло меня через весь город, и я, бредя в последний раз, как мне казалось, по пустынной главной улице, столкнулся с тем единственным человеком, который не спал в столь поздний час: с оборванным старомодным старичком, явно местным, явно направлявшимся домой, но прервавшим свой путь из-за чего-то, замеченного им далеко в море. Когда я с ним поравнялся, он, повернувшись ко мне, попросил:

– Сынок, посмотри-ка туда. Может, сумеешь мне сказать, что там такое к берегу приближается?

Знаешь, Берк, я никогда не утверждал, что ясно понимаю, какой поворот судьбы свел нас с тобой вместе. Такова странная особенность памяти: вспоминая какой-то определенный момент, я сразу же вспоминаю и множество всяких связанных с ним подробностей, которые ранее от меня ускользали, и мне начинает казаться, будто я только что сам их придумал, хотя я сразу же подтверждаю: «Да, это действительно так; и это, и это». Но ту ночь, когда я впервые увидел те-

бя, я всегда помнил абсолютно отчетливо. Я и сейчас помню и бледную луну в розовой полосе неба над морем, и сваи доков, обнажившиеся во время отлива, и похожие на башни старинных замков каменные рифы, отражения которых качались вверх и вниз на гладкой, как шелк, спокойной воде залива Матагорда. Помню, как маленькие рыбачьи лодки, таща за собой снасти, направлялись домой, а среди них покачивалась шлюпка, только что отчалившая от мрачной громады судна «Саплай». Ничем не примечательная шлюпка — если не считать того, что в ней находилось.

— Это лошадь, — сказал я старичку.

— Ты уверен?

Нет, это и впрямь оказалось не лошадью. И по мере того как шлюпка подходила все ближе к берегу, странный силуэт неведомого существа начал обретать отчетливую форму: длинная и гибкая, как у змеи, шея, лохматая грива, огромная голова с глазами-перископами, медленно поворачивавшаяся то в одну, то в другую сторону, и пасть с такими зубами, которые по размеру вполне походили на колышки для палатки. А его горбатая спина напоминала холм, и с этого «холма» утренний бриз сдул легкое облачко пыли, скопившейся за шесть месяцев плавания по морю.

* * *

К тому времени, как Джолли и его команда переправи-

ли с борта судна на берег еще тридцать три таких животных, на балконы и крыши уже успела высыпать вся Индианола. Вас поместили в загон, который мгновенно окружила толпа рядов в двадцать толщиной; казалось, люди попросту спятили от столь необычного зрелища. Впрочем, и вы, верблюды, тоже вели себя не слишком спокойно – еще бы, вы столько времени провели в корабельном трюме и теперь всю наслаждались свежим воздухом, землей под ногами и небом над головой. Вы толкались, издавали самые невероятные звуки – ревели, рыгали, рычали, – то и дело стряхивали с себя тучи пыли и терлись шеей о ветви деревьев. А вокруг вашего загона звучали самые дикие, чудовищные, прямо-таки клеветнические предположения, смешанные, однако, с благоговейным трепетом: что это, черт возьми, за твари такие? Огромные, зубастые, орут оглушительно, и зачем только этих жутких козлов за мощную сетку упрятали? И для чего вообще их сюда привезли? Впрочем, за эту сетку никто даже палец сунуть не осмеливался, а Джолли расхаживал внутри загона с уверенностью человека, охраняющего некий непонятный, но явно драгоценный груз. Постепенно общественности стало известно, что эти животные называются верблюдами и принадлежат Генри Константину Уэйну, тому дьявольски красивому малому, который собрал их в самых разных странах Востока благодаря нескольким левантийским парням, которые некоторое время терроризировали город, но вскоре были отправлены в Сан-Антонио вме-

сте с верблюдами, которым предстояло служить в кавалерии в качестве вьючных животных. Мысль о том, что наши бравые парни взгромоздятся на этих страшилищ, вызвала новый всплеск оскорблений в адрес твоих собратьев, Берк; но с особой издевкой местные жители относились к твоим более мелким сородичам, двугорбым верблюдам. Интересно, веселилась толпа, где же будут сидеть наши замечательные кавалеристы? Неужели между горбами? Нет, вы только представьте, как наш отважный генерал Ли²⁰ взгромоздится на одного из этих уродов! И на этих людей не произвело ни малейшего впечатления то, какое долгое плавание только что перенесли эти стойкие животные; для них, видимо, никакого значения не имело бы даже их умение летать – если б они действительно такой способностью обладали. С точки зрения американских обывателей, они во всех отношениях выглядели неправильно – с одной стороны, на львов похожи, а с другой, у них какое-то странное вымя на спине, да еще и вверх тормашками повернутое! Ну разве ж не умора? Да индейцы просто со смеху помрут!

В итоге гордость Джолли не выдержала. Легко взобравшись на спину твоего огромного белого кузена, Берк, который для этого послушно опустился на колени прямо посреди загона, и стоя на спине этого великана, он, не обращая

---

²⁰ Роберт Эдуард Ли, 1807–1870, американский генерал; в Гражданскую войну 1861–1865 – главнокомандующий армией Конфедерации южных штатов; потерпел сокрушительное поражение при Геттисберге в 1863 г.

внимания на всякие презрительные замечания, долетавшие из толпы, во всеуслышание сообщил, что верблюда, на спине которого он стоит, зовут Сеид и он способен нести на себе груз весом более пятнадцати сотен фунтов в течение девяти дней, не получая при этом ни глотка воды. И если присутствующие здесь, продолжал Джолли, сумеют собрать достаточно большой груз, под которым его верблюд не сможет подняться на ноги, то он, Хаджи Али, уроженец Измира, подарит свое животное городу, поскольку этот верблюд его собственный.

Что тут началось! Я и припомнить не могу, когда еще жители Индианолы пребывали в таком лихорадочном возбуждении. Сперва они сновали из дома на улицу и обратно, вынося всякие котелки, чайники и сковородки, а потом, опустошив кухонные полки, потащили бутылки с виски, утюги, мешки с зерном и даже ночные горшки; в ход пошли также масляные светильники и женские нижние юбки. Вдоль дороги горами высились тюки сена. Подогнали повозки из прачечных, и мешки с бельем и одеждой стали передавать Джолли, стоявшему на спине Сеида. Он на лету подхватывал отдельные сапоги и жакеты, выкрикивая слова одобрения тем, кто стоял внизу, а также подбадривал нерешительных: да-да, сэр, давайте мне вон ту скрипку и это ведро тоже отлично подойдет. Он все время улыбался и легко решал головоломку веса и объема, а гора вещей на улице вокруг него все росла, точно на распродаже.

Наконец с берега приволокли старинное пушечное ядро, поместив его в прочный холщовый мешок, который подвесили с одной стороны к напминавшему качели седлу Сеида, а с другой стороны в такой же холщовый мешок для противовеса посадили ребенка. Сеид продолжал спокойно лежать, подогнув колени, и было видно, что каждый новый предмет слегка замедляет его дыхание, однако перегруженные ребра верблюда продолжали равномерно подниматься и опускаться. Джолли кружил возле него, то подтягивал подпругу, то что-то подправлял, посмеивался и время от времени вытирал его мохнатую морду, когда у животного из пасти начинала обильно выступать пена.

Наконец лавки Индианолы, похоже, опустели, и Джолли велел верблюду встать. Сеид шевельнулся, точно пробуждаясь ото сна, неуверенно качнулся вперед и вверх, потом вернулся в прежнее положение, распрямил верхнюю часть ног, затем нижнюю, с кожистыми, голыми, как подушечки большого пальца, коленями, а затем воздвигся, высоченный, как виселица, вознеся своего седока с такой легкостью, словно тот был просто еще одним небольшим дополнительным горбом. Когда он поднялся во весь рост, из пасти у него так и повалила пена, а жилы под кожей напряглись и надулись. Невообразимый груз сперва немного съехал влево, потом немного вправо, и Сеид с силой вздохнул – то ли от чрезмерного напряжения, то ли от ощущения одержанной победы – и пошел. Один шаг, второй. Вся Индианола, затаив дыхание, сле-

дила за этим невероятным животным, воплощавшим в себе такие их желания и потребности, о которых они и не подозревали, пока возможность их осуществить сама не приплыла к ним в руки. А Сеид между тем продолжал шаркающим шагом удаляться от них и даже ни разу не пошатнулся под тяжестью всего собранного имущества. Еще несколько шагов, и он оказался напротив того места, где за оградой стоял я. У меня прямо сердце в пятки ушло. И знаешь, Берк, когда они проходили мимо, Джолли только глянул на меня сверху, а я, вытащив из кармана pazar, сунул его прямо ему в ладонь. Верблюд при этом даже не покачнулся, он только вздохнул, почувствовав прикосновение руки Джолли, и снова двинулся вперед по главной улице города, ступая ровно и плавно — казалось, по земле катится какой-то большой четырехколесный возок, до предела нагруженный сумасшедшим торговцем всякими горшками и сковородками, трубами и сапогами, а также то ли пятнадцатью сотнями, то ли пятнадцатью тысячами фунтов хлопка, муки, сена и белья. Сеид шел, и следом за ним над крышами Индианолы повисала нерушимая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.